

ISSN 2522-1787

Новые горизонты русистики

2025

№ 1 (27)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственный секретарь — канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — канд. филол. наук **В. А. Рязанова**, ст. преп. **А. С. Бурляй**.

Члены редколлегии: д-р пед. наук, проф. **Е. В. Архипова** (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, доц. **Е. Л. Ерохина** (Московский педагогический государственный университет); д-р филол. наук, проф. **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчекхина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышикин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, проф. **И. А. Сотова** (Ивановский государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р пед. наук, доц. **А. А. Штец** (Институт развития образования, г. Севастополь); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology N. V. Gladkaya.

Technical editors — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova**, senior lecturer **A. S. Burlyai**.

Members of the Editorial Board: Doctor of Pedagogical Sciences, prof. **Е. В. Архипова** (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Безруков** (Birsky branch of Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Professor **М. Г. Евсеева** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **Е. Л. Ерохина** (Moscow Pedagogical State University); Doctor of Philology **А. И. Иваницкий** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Professor **А. А. Кораблёв** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor. **Н. П. Курмакаева** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **М. Ч. Ларионова** (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences); Candidate of Philology, Associate Professor **В. И. Мозговой** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **О. С. Октябрьская** (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); Candidate of Philology **М.Н. Панчекхина** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **М. Ю. Сидорова** (Lomonosov Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **Г. Г. Слышикин** (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation); Candidate of Philology, Associate Professor **А. Н. Стебунова** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Professor **И. А. Сотова** (Ivanovo State University); Doctor of Philology, Professor **В. И. Супрун** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **А. А. Штец** (Institute of Educational Development, Sevastopol); Doctor of Philology, Professor **М. Ф. Шацкая** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Candidate of Philology, Associate Professor **Н. А. Ярошенко** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 308-07/2018).

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 125009, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, ул. Тверская, д. 11, стр. 1.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, 283001, г. Донецк. ул. Университетская, 4.
Тел.: +7 856 302-92-33.

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета. Протокол № 11 от

26.09.2025 г.

© Донецкий государственный университет, 2025

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 1 (27)
2025

Содержание

Лексикология и стилистика

- Балакай А. А., Светлова А. В. Лексикографический портрет слова 3
«мейнстрим»
Стебина А. С. Смысловое наполнение понятия «патриотизм» и его языковое 9
воплощение в современной русской речи

Дискурсология и генристика

- Атабиева Р. И. Анализ лексических инноваций: изучение новых слов и 15
выражений в военном русском языке, их источников и функциональных
особенностей
Кулакова А. Р. Концепт болезнь в русской языковой картине мира: 19
динамический аспект
Яковлева В. А. Явление «удлинения» эмоциональных междометий в русских 30
диалектах

Словообразование и грамматика

- Рязанова В. А. Проблема склоняемости инициальных аббревиатур: актуальное 36
состояние

Методика преподавания русского языка

- Агафонова К. Е. Лингвокогнитивистика в преподавании РКИ: понимание 43
имплицитной информации (на примере намёков)

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Калмыкова Д. А. Обрядовый контекст лексики со значением «славянские 49
праздники» в произведениях Н. В. Гоголя
Марченко А. С. «Война» в лингвопоэтическом контексте 56
Метелищенко Л. В. Лексико-семантическое поле «медицина» в рассказах 63
А. П. Чехова
Правила оформления материалов 70

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal

Founded in 2017

№ 1 (27)

2025

C o n t e n t s

Lexicology and Stylistics

Balakai A. A., Svetlova A. V. Lexicographic portrait of the word "mainstream"	3
Stebina A. S. Semantic content of the concept of "patriotism" and its linguistic embodiment in modern Russian speech	9

Discourse and Genristics

Atabieva R. I. Analysis of lexical innovations: the study of new words and expressions in military Russian, their sources and functional features	15
Kulakova A. R. The concept of disease in the Russian linguistic worldview: a dynamic aspect	19
Yakovleva V. A. The phenomenon of "lengthening" of emotional interjections in Russian dialects	30

Derivation and Grammar

Ryazanova V. A. The problem of the propensity of initial abbreviations: current state	36
--	----

Methods of teaching the Russian language

Agafonova K. E. Linguocognitivistics in teaching RCT: understanding implicit information (using hints as an example)	43
---	----

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

Kalmykova D. A. The ritual context of vocabulary with the meaning of "Slavic holidays" in the works of N. V. Gogol	49
Marchenko A. S. "War" in the linguopoetic context	56
Metelishchenko L. V. The lexico-semantic field of "medicine" in the stories of A. P. Chekhov	63
Rues for the design of materials	70

Лексикология и стилистика

УДК 81'374

DOI: 10.5281/zenodo.18037198

A. A. Балакай, A. B. Светлова © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна»*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА «МЕЙНСТРИМ»

Характеристика иноязычной лексики через лексикографическое портретирование актуальна для изучения языка, поскольку позволяет определить происхождение слова, представить историю его функционирования, выявить изменения семантики в заимствующем языке. В данной статье рассматривается история появления и развития англизма «мейнстрим» в русском языке. Исследуется его первоначальное значение и последующая лексико-семантическая трансформация. Делается вывод о неполном отражении всех семантических, деривационных и прагматических связей данного слова в современных толковых словарях русского языка. На основе анализа материалов лингвистических словарей, а также функционирования слова «мейнстрим» в русской речи предпринимается попытка его лексикографического портретирования с учетом всех произошедших за период функционирования слова в русском языке изменений.

Ключевые слова: лексикография, лексикографический портрет, слово «мейнстрим», заимствованная лексика, англицизмы, функционирование слова.

Язык является динамичной системой, претерпевающей изменения на всех структурных уровнях. Одна из основных тенденций в развитии русского языка — интернационализация, отраженная в активном заимствовании слов из различных языков, и в частности, из английского. Заимствованные слова принимаются русским языком, адаптируются на разных уровнях языковой структуры, в том числе меняя впоследствии свое первоначальное значение, приобретая дополнительные коннотации, развивая различные лексико-прагматические связи.

Об успешной адаптации слова в языке свидетельствует его закреплённость в словарях заимствующего языка. По мнению известного лексикографа, академика РАН Н. Ю. Шведовой, «словарь развёртывает перед своими читателями картину мира — так, как она существует в сознании носителей данного языка, причём эта картина словарём представляется в исторической перспективе. Погружаясь в мир слов, читатель открывает для себя живую картину общественных отношений, быта, национальных знаний и умений, представлений об окружающем мире, закрепившихся в народе социальных оценок и квалификаций» [19, с. 162].

Однако не всегда толковые словари успевают фиксировать все изменения, происходящие с новым словом, или различные свойства слова отражаются в словарях недостаточно полно. Актуальные проблемы лексикографической практики поднимаются в настоящее время во многих исследованиях. Так, доктор филологических наук, профессор А. А. Хуснутдинов, обосновывая необходимость фиксации, научного осмыслиения и описания новых слов, отмечает, что «издаваемые «бумажные» словари, даже самого последнего времени, в силу прежде всего объективных причин, не всегда успевают фиксировать новое в русской речи и в словарном составе русского языка, и в особенности те явления, которые возникают в языке в условиях бытования наряду с другими языками (родственными и неродственными) или в особых территориальных

зонах, в которых происходят события, заставляющие определять их как зоны чрезвычайных ситуаций, военных действий и т. п.» [16, с. 94]. В качестве одного из эффективных способов решения этой проблемы А. А. Хуснудинов называет лексикографическое портретирование слова.

Лексикографический портрет слова — это «такое описание слова, при котором все его свойства представлены во всём богатстве и разнообразии» [3, с. 164]. Лексикографическое портретирование предполагает индивидуальное описание истории каждой лексической и фразеологической единицы, в основу которого положены в первую очередь данные словарей, описывающих состав русского языка в разные периоды, а также языковой материал из различных текстов и живой разговорной речи.

Лексикографический портрет слова следует отличать от обычного словарного описания лексемы: по мнению академика Ю. Д. Апресяна, при лексикографическом портретировании словарная статья должна наполняться новой информацией, необходимость которой продиктована требованиями интегральности описания [1].

Актуальность темы лексикографического портретирования подтверждается многочисленными исследованиями в данной области, как общетеоретической направленности [2; 16; 20 и др.], так и описания конкретных единиц, например [8; 9; 10; 13; 14; 15; 17; 18].

Исследователи отмечают практическую значимость лексикографического портретирования для методики преподавания русского языка как родного или как иностранного, но не меньшую значимость подобная работа имеет и для теории лингвистической науки: «Составление лексикографических портретов языковых единиц важно прежде всего в научном отношении, так как позволяет представить историю бытования каждой единицы, входящей в словарный состав языка, т. е. не только установить источник, время и условия появления единицы в языке, но и увидеть те изменения, которые претерпевала данная единица в процессе ее функционирования в языке, а также дать научное объяснение всем преобразованиям, которые могут затрагивать формальные и содержательные стороны единицы и особенности ее использования в речи» [16, с. 95].

Среди лексических и фразеологических единиц, в первую очередь нуждающихся в лексикографическом портретировании, выступают иноязычные заимствования. Однако в настоящее время не так много публикаций, посвящённых лексикографированию заимствованной лексики. С помощью лексикографического портрета описаны такие заимствованные слова как «готика» [8], «амбиция» [9], «провинция» [13], «фреш» [14] и некоторые другие.

Одно из заимствованных слов, не новых, но актуализировавшихся в последнее время в русском языке и в связи с этим требующих лексикографического портретирования, — «мейнстрим» (англ. *mainstream*).

Этимологически данное слово восходит к английскому языку и состоит из двух слов: «*main*», что означает «основной, главный», и «*stream*» — «течение, поток». Впервые в английских словарях слово «мейнстрим» появляется в конце XVI века в значении «основной поток реки», а в 30-е годы XIX века начинает развивать переносное значение.

В русском языке впервые слово «мейнстрим» было зафиксировано в издании «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-ых годов» [12, с. 448]. Первоначально данное слово относилось к сфере музыки и означало «основное направление в джазовой, роковой музыке, содержащее все ее характерные черты». В данном значении это слово встречается в журнале «Аврора» за 1987 год, 4 выпуск: «Развитие искусства таково, что вчерашний эксперимент становится сегодняшней нормой. Такой устоявшийся, усредненный пласт музыки в

джазе, называется мейнстрим»; а также в журнале «Ровесник» за 1989 год: «Во второй половине восьмидесятых мейнстрим — основное течение современного рока оформилось довольно четко».

Анализ современных толковых словарей свидетельствует не только о сохранении, но и о расширении значения данного слова. Так, в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой (2000 г.) [6] словарная статья с заголовочной единицей «мейнстрим» подтверждает, что это понятие все еще относится к музыкальной сфере, однако лексикографическая семантика не ограничивает его употребление только сферами рока и джаза — двух ранее упомянутых музыкальных жанров, а дает характеристику с неочерченными границами музыкальных стилей: «Мейнстрим — основное направление в определенном музыкальном стиле в какой-либо период». Несмотря на то, что слово «мейнстрим» активно функционирует в русском языке уже более полувека, словарь Т. Ф. Ефремовой является чуть ли не единственным на сегодняшний день общесистемным словарем, в котором встречается данный англизм. Все последующие характеристики слова «мейнстрим» представлены в настоящей статье по материалам аспектных словарей русского языка. Под аспектными словарями в данной работе понимаются словари, раскрывающие отдельные аспекты слова и языковой системы (словарь иностранных слов, словарь англицизмов, словарь молодежного сленга).

В «Современном словаре иностранных слов» Л. П. Крысина (2012 г.) [11] отмечено, что мейнстрим — это «основное направление развития в искусстве, литературе, кино, музыке и др.». Подобное толкование представлено и в «Словаре иностранных слов современного русского языка» Т. В. Егоровой (2014 г.) [5]: «главенствующее направление в искусстве, актуальное в данный период времени (в живописи, музыке и т. д.)». Лексикографическая фиксация данного значения впервые происходит в 2012 году, но в речевой практике оно функционирует еще с начала двухтысячных годов: «Девушка-скромница, однако, своим аккуратным носиком, как волчица молодая, чует конвертируемый литературный мейнстрим» (Василий Пригодич. Постнеклассическая трагедия, или Критика критики. «Новый мир», 2003); «Впрочем, тут по-прежнему играют очень качественный джазовый мейнстрим и время от времени поют госпелы» (Григорий Гольденцвайг. «Нью-Йорк», 2006); «Американский мейнстрим в ту пору ничего подобного не предлагал, опытная сторона веры оттеснялась на второй план» (Борис Фаликов. Сайентология: от научной фантастики к химерам новой религии «Наука и религия», 2011). Следует отметить, что данное значение до сих пор не утратило актуальности — свидетельство тому пример употребления слова в 2023 г.: «Автофикин развивается вне литературного мейнстрима (преобладающее направление области) и связан с нелитературными формами» (Лекция по предмету «Современный литературный процесс и мировая издательская политика», 2023).

Примечательно, что в значении «основное направление» слово «мейнстрим» является наиболее распространенным в современных толковых словарях русского языка. В «Словаре англицизмов русского языка» А. И. Дьякова (2021 г.) [4] приводятся следующие дефиниции: част. 1. общ. иск. Что-либо, составляющее основное направление; главное направление в искусстве. 2. муз. Тип джазовой музыки, основанной на свинге. В первом значении слово описывается как общеупотребительное (помета «общ.»), что свидетельствует о расширении значения и выходе его за рамки профессиональной сферы употребления. Однако второе значение, приведенное в словаре, подтверждает, что слово «мейнстрим» все еще актуально в качестве узкопрофессионального термина (помета «муз.» — музыкальный термин).

Таким образом, лексико-семантическое варьирование слова «мейнстрим» в 10-е годы XXI века происходит более активно, чем раньше, слово продолжает расширять границы своего функционирования от конкретных музыкальных жанров до общих направлений в гуманитарной сфере, — но и на этом его семантическая трансформация не заканчивается.

В последние годы слово «мейнстрим» стало активно использоваться в жаргоне молодежи и людей среднего возраста. Значение его при этом вновь меняется. В «Словаре молодежного сленга» Л. А. Захаровой (2014 г.) [7] «мейнстрим» определяется весьма широко: «*популярная вещь*». Примеры употребления слова в данном значении несложно найти в речевой практике медиакоммуникации (авторская орфография и пунктуация здесь и далее сохранены): «*Весьма плодовит, за год с небольшим наклепал десятки роликов. В основном обозревает мейнстрим (Стивен Кинг detected), но, например, иногда по средам выпускает видео с разбором классических философских работ*» (Артем Фаустов. Один день в русском буктыюбе. Книжные покупки, поп-фикшн, реклама: чем занимаются книжные блогеры (13.07.2017)); «*В итоге можно сделать вывод, что слово «мейнстрим», не несет в своем определении чего-то нового или уникального. По сути его легко заменить такими синонимами как: популярность или тренд*» (Мейнстрим — что это такое, суть и примеры, 2021); «*Экология — тот тренд, который нам нужен, мейнстрим, которому следовать не стыдно*» (Собака.ru, 2024).

Вероятно, в связи с широким функционированием в современной разговорной речи слово «мейнстрим» начинает развивать свой деривационный потенциал: впервые в словаре появляется прилагательное «мейнстримный», что означает «*популярный, модный*». Справочно-информационный портал о русском языке ГРАМОТА.РУ (<https://gramota.ru/>) и Викисловарь (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>) кроме прилагательного «мейнстримный» фиксируют еще два производных: «мейнстримовый» — «*относящийся к мейнстриму*» и «мейнстримщик» — «*представитель мейнстрима*».

Так, под влиянием языковой моды на англоязычные заимствования в XXI веке слово «мейнстрим» расширяет значение и развивает словообразовательные связи в русском языке.

Следует отметить, что процесс трансформации значения данного слова не ограничивается только изменением его денотативного компонента. Начиная с конца 10-х годов XXI века семантика слова «мейнстрим» наряду с расширением денотата приобретает также отрицательную коннотацию: «*банальщина, избитость; то, что делает большинство*». Расширение значения за счет оценочных коннотативных сем кажется неслучайным — ведь то, что пользуется большой популярностью и является общераспространенным, быстро становится скучным, неинтересным, избитым. Следующие контексты демонстрируют примеры употребления слова «мейнстрим» в качестве пейоратива: «*Безусловно, это работа на тинейджерскую психологию, все понятно, но раньше подобные вещи были андеграундными по природе, тем и привлекали. Они не были глянцевым мейнстримом, который ты слышишь из каждого утюга*» (Кристина Ищенко. «Когда мат не подкреплен сильной эмоцией, он становится очистками семечек на зубах». Музыкальный критик и пианист OQJAV Ярослав Тимофеев — о Фейсе, Рахманинове и борьбе за курицу, 2018); «*Грубо говоря синонимы мейнстрима: массовость, хайп, хит, бестселлер, тренд, то, о чём все сейчас говорят и т. д.*» («Что означает термин Мейнстрим?» ЯндексДзен, 2018); «*Как вам эта модель у Dior? С одной стороны, конечно, она очень удобная, вместительная, среднего формата даже не смотрится громоздкой и мне нравится, как она выглядит. С другой... это же уже такой мейнстрим, нет?*» (Канал в Telegram «rutkismary», 2023). В перечисленных примерах отрицательную коннотацию слова «мейнстрим» актуализирует пейоративное окружение слова: «*слышишь из каждого утюга*», «*массовость*», «*хайп*», «*с другой*

стороны» (противопоставленное ранее перечисленным положительным качествам: «с одной стороны, ... удобная, вместительная»). Частотность употребления в подобном окружении закрепляет негативную оценочную коннотацию за самим словом. Однако несмотря на активизацию слова «мейнстрим» в современной речи именно в таком значении, обнаружить в словарях подобное токование не удалось.

Анализ толкований слова «мейнстрим» в современных общесистемных и аспектных словарях, а также примеров употребления слова в речи свидетельствует о многозначности данного англизма в русском языке. Пройдя естественный путь адаптации в русском языке, данное слово приобрело популярность в речи молодежи и людей среднего возраста, закрепилось в языковой системе и эволюционировало, расширив свои семантические и деривационные связи.

За период функционирования в русском языке — с 1980-х годов по настоящее время — слово «мейнстрим» нашло свое место в общесистемном толковом словаре Т. Ф. Ефремовой и в нескольких аспектных словарях, таких как «Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-ых годов», «Современный словарь иностранных слов», «Словарь иностранных слов современного русского языка», «Словарь англицизмов русского языка» и «Словарь молодежного сленга». Каждый словарь описывает одно или два значения слова «мейнстрим», актуальных для времени издания данного словаря или его лексикографической направленности, однако полной картины лексико-семантической эволюции слова в толковых словарях русского языка до сих пор нет. В этой связи интересно представить возможный лексикографический портрет слова «мейнстрим», который сложился за период жизни слова в русском языке. С учетом всех изменений, произошедших со словом «мейнстрим» на протяжении функционирования в русском языке, его лексикографическая презентация может быть следующей:

МЕЙНСТРИМ [мэ], -а, мн. нет, м. [англ. mainstream букв. «основное течение»]. **1.** Устар. Муз. Основное направление в джазовой, роковой музыке, содержащее все ее характерные черты. *Тут играют качественный джазовый м.* **2.** Муз. Основное направление в определенном музыкальном стиле в какой-либо период. *Музыка м., в целом, одобряется обществом, а андеграунда - нет.* **3.** Иск. Главенствующее направление в искусстве, литературе, кино, музыке и др., актуальное в данный период. *M. кинематографа.* **4.** Популярная вещь; то, что является популярным на данный момент; то же, что тренд. *Сейчас м. называют любые массовые тенденции, популярные в обществе.* ♦ **До того как стало мейнстримом** (разг.) — до того периода, когда предмет или явление стали популярными. **5.** Жарг. Избитость, банальщина; то, что делает большинство. *Отсюда избитость м. и уникальность альтернативы.* < **Мейнстримный**, -ая, -ое, прил. к знач. 4. Популярный, модный. **Мейнстримовский**, -ая, -ое. Относящийся к мейнстриму. **Мейнстримщик**, -а, м. Представитель мейнстрима.

Семантика слова «мейнстрим» в данной лексикографической модели представлена в соответствии с его эволюционной трансформацией и ярко демонстрирует постепенное расширение значения заимствованного слова в русском языке. Первоначальное толкование, с которым слово закрепилось в качестве музыкального термина в словаре в 80-е годы XX века, в настоящее время можно считать устаревшим, поскольку оно поглощено более широким терминологическим толкованием. Постепенно из сферы музыки слово «мейнстрим» выходит в более широкую область искусства, затем — становится общеупотребительным и, наконец, окрашивается негативными коннотациями, приобретая вместо «актуального» семантику «банального». Одновременно с изменением семантики формируются новые словообразовательные связи в русском языке, а также устойчивая сочетаемость с опорным компонентом «мейнстрим», что свидетельствует об актуализации данного слова в современной речевой практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // Вопросы языкоznания. — 1990. — № 6. — С. 123–138.
2. Бобунова, М. А. Лексикографический портрет фольклорного слова (жанровый и территориальный аспект) // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2022. — № 2. — С. 24-32.
3. Богуславский, И. М. Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // Вопросы языкоznания. — 1995. — № 1. — С. 164-168.
4. Дьяков, А. И. Словарь англичизмов русского языка. — М.: Флинта, 2021. — 1383 с.
5. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т. В. Егорова. — М.: Аделант, 2014. — 801 с.
6. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. — М.: Астрель, 2006. — 1165 с.
7. Захарова, Л. А. Словарь молодежного сленга на материале лексикона студентов Томского государственного университета / Л. А. Захарова. — Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2014. — 126 с. — Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/76817> (дата обращения: 16.12.2024).
8. Золина ,Е. Н., Миненко, О. В. Лексикографический портрет слова «готика» // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. — 2008. — № 3. — С. 234-238.
9. Канарская, Л. Г., Честных Е. С. Лексикографический портрет слова «амбиция» // Наука и Образование. — 2023. — Т. 6. — № 3. — С. 116-123.
10. Косс, Е. В. Лексикографический портрет слова «ядя» во вторичной номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — № 3. — С. 789-795.
11. Крысин, Л. П. Современный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. — М.: ACT-Пресс, 2012. — 410 с.
12. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-ых годов. —СПб.: Издательство "Дмитрий Буланин", 1997. — 906 с.
13. Паршина, О. Д. Лексикографический портрет слова «провинция» // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2019. — Т. 10. — № 4. — С. 47.
14. Соколова, М. Г. «Фреш или не фреш?» (Лингвистическое портретирование слова *фреш* в современном публицистическом дискурсе) // Русская речь. 2024. № 1. С. 49-59.
15. Хуснутдинов, А. А., Хуснутдинова, А. А. Лексикографический портрет слова *железо* // Вестник Ивановского государственного университета. Вып. 1. «Филология». Серия «Гуманитарные науки». — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. — С. 54–73.
16. Хуснутдинов, А. А. Лексикографический портрет слова и выражения в научном и методических аспектах // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета. — Донецк, 2022. — С. 93-96.
17. Черникова, Н. В. Женщина: лексикографический портрет // Русская речь. — 2015. — № 3. — С. 61-67.
18. Чунь, Ю. Лексикографический портрет существительного «возраст» // Филология: научные исследования. — 2021. — № 10. — С. 17-28.
19. Шведова, Н. Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. — М., 1988. — С. 152-166.
20. Шерстяных, И. В. Лексикографическое портретирование слова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 2. — С. 62-68.

Поступила в редакцию 21.09.2025 г.

A.A. Balakay, A.V. Svetlova
LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF THE «MAINSTREAM» CONCEPT

The characterization of foreign language vocabulary through lexicographic portrayal is relevant for language learning, as it allows us to determine the origin of a word, present the history of its functioning, and identify changes in semantics in the borrowing language. This article examines the history of the emergence and development of Anglicism "mainstream" in the Russian language. Its initial meaning and subsequent lexicosemantic transformation are investigated. The conclusion is made that all semantic, derivational and pragmatic connections of this word are not fully reflected in modern explanatory dictionaries of the Russian language.

Russian Russian dictionary analysis is based on the analysis of materials from linguistic dictionaries, as well as the functioning of the word "mainstream" in Russian, an attempt is made to portray it lexicographically, taking into account all the changes that have occurred during the period of the word's functioning in the Russian language.

Key words: *lexicography, lexicographic portrait, the word "mainstream", borrowed vocabulary, Anglicisms, functioning of the word.*

Балакай Анна Анатольевна.

Кандидат филологических наук.

Санкт-Петербургский государственный

университет промышленных технологий и
дизайна, г. Санкт-Петербург, РФ.

Доцент кафедры книгоиздания и книжной
торговли.

E-mail: balakay@bk.ru

Balakay Anna Anatolyevna.

Candidate of Philology.

Saint Petersburg State University of Industrial
Technologies and Design, Saint-Petersburg, RF.

Associate Professor of the Department of Book
Publishing and Book Trade.

F-mail: balakay@bk.ru

Светлова Анна Владимировна.

Санкт-Петербургский государственный

университет промышленных технологий и
дизайна, г. Санкт-Петербург, РФ.

Магистрант.

E-mail: svetlova.01@list.ru

Svetlova Anna Vladimirovna.

Saint Petersburg State University of Industrial
Technologies and Design, Saint-Petersburg, RF.

Undegraduat student.

E-mail: svetlova.01@list.ru

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.18037368

A. С. Стебина © 2025

Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Донецкий государственный университет»

(Научн. рук. — канд. филол. наук, доцент А. Н. Стебунова)

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПАТРИОТИЗМ» И ЕГО ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В статье исследуются смысловые и ассоциативные составляющие концепта «патриотизм», его семантическое наполнение и место в современной русской языковой картине мира. Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного описания данного концепта — как через анализ лексикографических источников, так и посредством изучения живых речевых практик, что позволяет выявить динамику восприятия понятия в современном языковом сознании. В ходе исследования было осуществлено системное описание смыслового ядра концепта «патриотизм» на основе данных словарей и справочных изданий. Для выявления актуальных ассоциативных связей и оценочных коннотаций проведён ассоциативный эксперимент среди представителей школьной молодёжи. Результаты эксперимента подтвердили сохранение и развитие тенденций, зафиксированных в лексикографических источниках: в современном языковом сознании преобладает позитивно-оценочная интерпретация концепта «патриотизм».

Ключевые слова: патриотизм, концепт, ассоциативный эксперимент, понятие, смысловое наполнение.

Анализ концептов является важным направлением современной филологической науки, позволяющим исследовать ключевые понятия, отражающие специфику национального мировоззрения и культуры. Теоретические основы данного подхода были заложены в трудах отечественных ученых, таких как Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик и др.

З. Д. Попова и И. А. Стернин рассматривают «концепт» как глобальную мыслительную единицу, выступающую в качестве «кванта структурированного знания»

[7, с. 4]. Некоторые исследователи определяют концепт как «родовое понятие по отношению к его компонентам (таким как зрительный образ, вербальный образ, знак) [3]. Примечательно, что концепт, значение и понятие являются сущностями, которые не поддаются прямому наблюдению, а значит, мы всего лишь сопоставляем наши представления по этому поводу [1, с. 36], [9, с. 17].

Основными положениями теории концептов в филологии являются:

1. Концепт представляет собой многомерное ментальное образование, включающее в себя понятийную, образную и ценностную составляющие.
2. Концепты формируются в процессе познания мира и отражают культурно-исторический опыт народа, его систему ценностей и приоритетов.
3. Анализ концептов позволяет выявить специфику национального языкового сознания, его универсальные и уникальные черты.
4. Концепты находят свое выражение в различных языковых формах — лексических, фразеологических, паремиологических, дискурсивных.
5. Изучение концептов предполагает комплексный подход, включающий в себя методы лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвопрагматики и др. [8].

Таким образом, теория концептов в филологии представляет собой перспективное направление, позволяющее исследовать ментальные структуры, лежащие в основе языка и культуры. Анализ концептов дает возможность глубже понять национальную специфику мировосприятия, выявить ключевые ценности и приоритеты, отраженные в языке.

Помимо прочего, были рассмотрены разнообразные техники, применяемые в современной лингвистике для изучения концептов при работе с носителями языка и культуры и с текстовыми единицами. Для данного исследования приняты следующие методы: анализ словарных дефиниций имен концептов и их синонимов.

Изучение концептосферы языка (термин предложен Д. С. Лихачевым) позволяет выявлять особенности ментального мира того или иного этноса, увидеть, выражаясь метафорически, специфику траектории полета человеческой мысли, следовательно, познать культуру народа на разных этапах ее становления.

В современной лингвистике понятие «концептосфера» терминологически закрепляет «объемное» видение многих языковых явлений. Большинство ученых определяют концептосферу как упорядоченную совокупность концептов, существующих в виде обобщенных представлений, понятий, мыслительных картинок, схем, гештальтов, фреймов, сценариев, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира [5, с. 19], как систему систем, как «концептуарий культуры» [2, с. 85], как информационную базу мышления, своеобразное вместилище концептоединиц отдельных языковых социумов [6, с. 176].

Применительно к данной работе под языковым сознанием понимается ментальная система, представляющая собой совокупность языковых представлений о реальной действительности отдельных носителей одной лингвокультурной общности.

Мы придерживаемся позиции З. Д. Поповой, И. А. Стернина, В. И. Карасика о том, что концепт в силу своей многоплановости и неоднородности может быть исследован с применением комплекса различных методик.

Концепты, объективированные в языке, являются частью языковой картины мира, в связи с этим их исследование возможно с использованием методов лингвистического анализа — лексикографического описания и корпусного анализа.

Понятие патриотизма является немаловажным в истории человеческой культуры и в силу этого обладает гуманистической значимостью, хотя в различные эпохи и в различных моделях государственного устройства или конфессиональных установлений определение патриотизма заполняется различным смыслом.

Русский патриотизм часто характеризуется сильным чувством верности Родине, почтением к историческим деятелям и гордостью за достижения культуры. Это чувство отражено в различных аспектах русского искусства, литературы и традиций, отражая глубокую связь с землей, языком и наследием.

По умолчанию патриотизм связывают с привязанностью к Родине, подчёркивая таким образом этнокультурную составляющую этой типологии.

В настоящее время в России активно осуществляется реализация многочисленных проектов, направленных на формирование патриотического воспитания и ценностей. Приоритетное значение патриотического воспитания в развитии патриотизма среди молодежи подчеркивает необходимость создания эффективных механизмов для практического осуществления разработанных программ и проектов.

Основные цели современной школы заключаются в раскрытии потенциала каждого учащегося, в воспитании патриотичной и нравственной личности, способной к успешной адаптации в современном конкурентном и высокотехнологичном обществе. Должностные лица образовательных учреждений должны стремиться к тому, чтобы обучение в школе способствовало формированию у выпускников навыков постановки и достижения целей, а также умению справляться с различными жизненными вызовами.

В данном исследовании была выбрана методика ассоциативного эксперимента (АЭ) для анализа смыслового наполнения концепта патриотизм и его языковое воплощение в современной русской речи, а также проводилось исследование ассоциативного поля данного концепта, выявляя наиболее значимые ассоциации, вызываемые словом «патриотизм».

Придерживаясь взгляда А. А. Леонтьева предлагается рассматривать цепной АЭ в качестве разновидности свободного АЭ, определяя его как эксперимент с продолжающейся реакцией.

Ее суть состоит в выявлении именно стандартных ассоциативных связей, которые вычисляются на фоне индивидуальных связей. «Каждый признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта, можно выделить ядерные и периферийные когнитивные признаки, а также сравнить результаты ассоциативных экспериментов на один и тот же стимул в разных группах испытуемых, относящихся к разным социальным, гендерным, возрастным группам» [8, с. 140–142].

АЭ проводился в свободной письменной форме (реципиент записывает сам ответ). В ходе исследования было опрошено 117 школьников двух возрастных категорий: 68 человека 9 класса — от 14 до 15 лет, 49 человек 11 класса — от 16 до 17 лет.

Эксперимент проводился в форме ассоциативного тестирования. Испытуемым были предложены бланки со словом-стимулом, на которое они должны были дать свою реакцию за определенный промежуток времени, первыми пришедшими в голову словами — ассоциациями — на этот стимул. В качестве слова-стимула было предложено существительное «патриотизм». В результате было получено 117 ответов — реакций.

Результаты, полученные в ходе эксперимента представлены в таблице 1.

Таблица 1. Количество соотношение реакций на стимулы

Слово-стимул	Реакция	Частотность
Патриотизм	Любовь к Отечеству/ Родине	23
	Защита	14
	Преданность	12
	Отвага	7

	Гордость	6
	Вера, верность	5
	Ответственность	4
	Любовь	4
	Флаг	4
	Россия	4
	Помощь	3
	Мужество/смелость	3
	Привязанность	3
	Родина	3
	Отчизна	2
	Честь	2
	Уважение	2
	Гимн	2
	Шаман (певец)	2
	Русский человек	1
	Забота	1
	Героизм	1
	Долг	1
	Государство	1
	Дом	1
	Единство	1
	Президент	1
	Патриот	1
	Война	1
	Переживание	1
	Сохранение ценностей	1

Патриотизм — общее количество реакций 117; доминанта — любовь к *Отечеству/ Родине* (23).

Вывод: Ядерную часть ассоциативного потенциала слова-стимула «патриотизм» составляют слова *любовь к Отечеству/ Родине* (23), *преданность* (12), *отвага* (7), *гордость* (6), *вера/верность* (5), *ответственность* (4).

Специфика ассоциативного потенциала сопоставляемых слов состоит в том, что большинство из испытуемых ответило на слово «патриотизм» так, как указывается в словаре С. И. Ожегова, несмотря на то, что ум, мышление, образ мыслей, душевный склад и жизненный опыт людей был разносторонний.

Ассоциативный эксперимент рассматривается как один из наиболее эффективных методов психолингвистического исследования и анализа, который широко используется с целью всестороннего изучения языкового сознания, его структуризации и моделирования. Представлены виды и способы проведения ассоциативного эксперимента — действенного инструмента для выявления словесных ассоциативных связей индивида, формировавшихся в ходе его предшествующего опыта.

Анализируется эффективность и значимость свободного и направленного ассоциативного эксперимента в современных психолингвистических исследованиях языковой картины мира, языковой личности, профессионального языкового сознания, ассоциативно-верbalной сети, ментального лексикона, вербальной памяти, социокультурных стереотипов и др. Большое внимание в уделяется использованию ассоциативного эксперимента в таких активно развивающихся в настоящее время научных дисциплинах, как ассоциативная и психолингвистическая лексикография.

Результаты анализа данных ассоциативного эксперимента демонстрируют **сохранение и дальнейшее развитие** тех тенденций, которые были отмечены в лексикографических источниках.

Данные эксперимента также показывают преобладание **позитивно оценочных коннотаций** в представлении концепта «патриотизм» современными носителями языка.

Приметой времени является некоторая милитаризованность в восприятии этого концепта, его политизация и ориентация на связь с официальной символикой. С другой стороны, вполне активно и традиционное понимание концепта в духе исконных ценностей русской культуры, таких как любовь к месту, где ты родился, и к своей большой Родине — России, к ее истории и традициям, к ее народу.

В целом, итоги проведенного нами ассоциативного эксперимента подтверждают психологическую реальность выявленных нами на предыдущих этапах исследования когнитивных признаков концепта «патриотизм» в языковом сознании современных носителей языка, в частности школьников 14–17 лет.

Исследование смыслового наполнения понятия «патриотизм» и его языкового воплощения в современной русской речи дало возможность проанализировать сложный и многогранный концепт, который отражает этнологическую специфику русского народа.

Проведенный анализ позволяет заключить, что ассоциативное поле концепта «патриотизм» в сознании представителей современных школьников обладает набором традиционных признаков. Он используется в различных контекстах, включая политику, литературу и масс-медиа. В целом ассоциативный слой исследуемого концепта окрашен положительно. Анализируя языковые средства, используемые для выражения патриотических чувств, было установлено, что патриотизм может проявляться как через любовь к родине и её культурному наследию, так и через гражданскую активность и участие в жизни общества.

Также было отмечено, что языковое воплощение понятия «патриотизм» может зависеть от контекста и социокультурных особенностей. В целом, данное исследование позволяет лучше понять разнообразие значений и форм выражения патриотизма в современной русской речи, что является важным аспектом для изучения культурных и языковых особенностей общества.

В заключение, на основе нашего исследования мы можем обосновать, что «патриотизм» представляет собой универсальное понятие, существующее в языковом сознании русских людей в различных языковых воплощениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская, А. А. Значение слова и возможности его описания / А. А. Залевская // Языковое сознание. Формирование и функционирование. — М.: ИЯ РАН, 1998. — С. 35–54.
2. Карасик, В. И. Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 61-105
3. Лебедева, К. Г. Понятие концепта и некоторые средства репрезентации концепта «терроризм» в языке на современном этапе [Электронный ресурс] / К. Г. Лебедева. — Режим доступа:// <https://pgu.ru/upload/iblock/5a7/26.pdf>
4. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., дополненное / С.И. Ожегов; Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: А ТЕМП, 2006. — 944 с.
5. Попова, З. Д. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) // Язык. Этнос. Картина мира. 2003. Вып. 1. С. 16-23.
6. Попова, З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный поход как направление когнитивной лингвистики // Vita in lingua: к юбилею профессора С. Г. Воркачева: сб. ст. / отв. ред. В. И. Карасик. Краснодар: Атриум, 2007. С. 171-180.
7. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж, 2002. — 59с.
8. Попова, З.Д. Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. — 313 с.

9. Худяков, А. А. Концепт и значение / А. А. Худяков // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. ВГПУ, ПМПУ. — Волгоград, 1996. — С. 16–23

Поступила в редакцию 12.09.2025 г.

A. S. Stebina

THE SEMANTIC CONTENT OF THE CONCEPT «PATRIOTISM» AND ITS LINGUISTIC EXPRESSION IN MODERN RUSSIAN SPEECH

The article examines the semantic and associative components of the concept «patriotism», its semantic content, and its place in the modern Russian linguistic worldview. The relevance of the study stems from the need for a comprehensive description of this concept — both through the analysis of lexicographic sources and by examining living speech practices. This approach allows us to identify the dynamics of how the concept is perceived in contemporary linguistic consciousness. During the research, a systematic description of the semantic core of the concept «patriotism» was carried out, based on data from dictionaries and reference publications. To identify current associative links and evaluative connotations, a chain-association experiment was conducted among school-age youth. The results of the experiment confirmed the preservation and development of trends recorded in lexicographic sources: in contemporary linguistic consciousness, a positively evaluative interpretation of the concept «patriotism» predominates.

Keywords: *patriotism, concept, associative experiment, notion, semantic content.*

Стебина Александра Сергеевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: a.s.stebina@mil.ru

Stebina Alexandra Sergeevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: a.s.stebina@mil.ru

Стебунова Алла Николаевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: alla.stebunova@mail.ru

Stebunova Alla Nikolaevna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: alla.stebunova@mail.ru

Дискурсология и генристика

УДК 81'373.613

DOI: 10.5281/zenodo.18037494

P. I. Атабиева © 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова»
(Научн. рук. — канд. филол. наук М. Ч. Кремишокалова)*

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ: ИЗУЧЕНИЕ НОВЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ В ВОЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ИХ ИСТОЧНИКОВ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

В условиях стремительного развития военных технологий, изменения характера военных конфликтов и глобализации военного сотрудничества лексический состав военного языка активно пополняется новыми словами и выражениями. Лексические инновации в военном русском языке являются важным объектом лингвистического исследования, поскольку они не только фиксируют новые реалии, но и демонстрируют механизмы адаптации языка к изменяющимся условиям. Изучение и анализ лексических инноваций в военном дискурсе является актуальной задачей, поскольку это позволяет не только фиксировать новые языковые явления, но и понимать их роль в коммуникации, а также выявлять механизмы адаптации языка к изменяющимся условиям.

Ключевые слова: военный язык, лексические инновации, военный дискурс, военная терминология, заимствования, словообразование, аббревиатура

Военный язык представляет собой специфическую подсистему языка, которая имеет уникальную лексику, грамматические конструкции и стилистические особенности, предназначенные для эффективной передачи информации в сфере военной деятельности. Изучение лексических инноваций в военном дискурсе становится особенно актуальным в наши дни, поскольку это позволяет выявлять новые слова и выражения, а также отслеживать изменения языка как отражение социальных и технологических преобразований в армии и в обществе в целом. Это актуально для специалистов военного дела, переводчиков, журналистов и исследователей, потому что понимание новых терминов в военной сфере крайне важно. В последнее время в русском языке происходят значительные изменения, которые связаны с современными технологиями, изменениями в военно-политической ситуации и новыми социальными явлениями. На протяжении всего развития русского языка, лексический фонд русского языка непрерывно расширяется и обогащается.

Основным процессом, влияющим на развитие словарного состава языка, его обогащение и совершенствование, является процесс постоянного роста лексики за счет появления новых слов. Будучи связанным с историей народа, словарный состав языка отражает все многообразие его жизни: изменения в общественно-политическом устройстве, в развитии производства, науки, техники, культуры. Процесс расширения словарного состава языка особенно интенсивно протекает в периоды глубоких общественно-политических потрясений и социально-культурных перемен. Лексика языка активно реагирует на явления, вызванные к жизни этими общественными изменениями.

Новые слова формируются на основе уже существующих словообразовательных моделей, так как основным способом расширения словарного запаса языка на протяжении всей его истории остается создание новых слов на базе имеющегося языковых элементов. Таким образом, словообразование играет одну из ключевых ролей в постоянном обновлении лексического состава языка.

Другим способом расширения и обогащения словарного состава языка является заимствование слов из других языков. В результате процессов перехода слов из одного языка в другой носители языка-рецептора заимствуют из языка-источника не только новые слова (для обозначения понятий, не имевшихся в языке-рецепторе), но и слова-параллели. В последнем случае расширяются синонимические ряды слов. Вот несколько примеров заимствований и их русских соответствий-синонимов: *дилер* — посредник, *секьюрити* — охранник, *социум* — общество, *сиуид* — самоубийство и др.

Следует заметить, что заимствование — не механический процесс перемещения, а глубокое проникновение элементов фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики языка-источника в систему языка-рецептора и закрепление этих элементов в последнем. Слова иноязычного происхождения ассимилируются (фонетически, графически и лексически) по законам заимствующего языка. Чаще всего необходимость именования объектов и концептов возникает в различных областях науки и техники, поэтому существует так много иностранных заимствований среди военных, политических, научных и технических терминов [5, с. 827]. Они отличаются от близких по смыслу русских слов строгой определенностью, специфичностью значения.

Как справедливо отмечают исследователи языка, иностранное слово усваивается легче, если оно заменяет сложный описательный оборот [1, 2]. Здесь следует упомянуть, что согласно закону языковой экономии, заимствованное слово «снайпер» заменило собой русское словосочетание «меткий стрелок». Основными способами заимствования лексики являются транскрипция, транслитерация и калькирование.

Транскрипция представляет собой фонетический способ заимствования словарной единицы, при котором сохраняется ее звуковая форма. Иногда звуковая форма может быть несколько видоизмененной в соответствии с фонетическими особенностями языка, в который слово заимствуется [4, с. 63]. Приведем примеры заимствований из английского языка в русский способом транскрипции: *альянс* — *alliance*, *атака* — *attack*, *бомба* — *bomb*, *миссия* — *mission*, *модификация* — *modification*, *мотор* — *motor*, *режим* — *regime*, *трансформация* — *transformation*.

Транслитерация — является способом такого типа заимствования, при котором заимствуется написание (графическая форма) иностранного слова. При транслитерации буквы заимствуемого слова заменяются буквами родного языка. При этом способе заимствования слово, как правило, читается по правилам чтения родного языка [3, с. 63]. Из современного английского языка в русский способом транслитерации заимствованы следующие слова: *арсенал* — *arsenal*, *бандит* — *bandit*, *дисплей* — *display*, *инфраструктура* — *infrastructure*, *контингент* — *contingent*, *модернизация* — *modernization*, *оптический* — *optical*, *платформа* — *platform*, *форум* — *forum*, *центр* — *centre/ center* [5, с. 830].

Калькирование — это форма заимствования, в которой заимствовано и структурная модель слова или фразы, и ассоциативное значение данного слова или словосочетания [1, с. 211]. При данном способе перевода каждый компонент заимствованного слова или фразы переводится отдельно и связывается в соответствии с моделью иностранного слова.

Следует помнить, что способом калькирования в русском языке создано много слов и фразеологических единиц на базе латинского и французского языков. Приведем еще несколько примеров лексических единиц современного русского языка, являющимися кальками: *вотум недоверия* — *non-confidence vote*, *миротворческая деятельность* — *peacekeeping activity*, *переоснащать* — *re-equip*, *полный вес* — *gross weight*, *сверхзвуковой* — *supersonic*, *система наведения* — *guidance system*, *стратегический бомбардировщик* — *strategic bomber* и др [5, с. 830].

Итак, рассмотрев особенности заимствования иностранных слов и выражений в современный русский язык, можем заключить, что заимствование представляет

естественный закономерный и необходимый процесс языкового развития и обогащения, который отражает политические, экономические, военные, технические, культурные, образовательные связи и взаимоотношения России с другими странами мира. Лексическое заимствование обогащает язык и нисколько не вредит его самобытности, т.к. при этом сохраняется основной, «свой» словарь, а кроме того, неизменным остается присущий языку грамматический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития.

В военной среде активно используются сленговые выражения, которые часто возникают в результате метафоризации или сокращения (например, «дембель» — демобилизация, «черный тюльпан» — самолет для перевозки погибших). Военный жаргон как открытый, подвижный пласт лексики отражает не только разнообразную деятельность военнослужащих: кроме профессиональной деятельности, в нем фиксируется отношение военных к бытовым условиям и межличностные взаимоотношения. В соответствии с этим лексика военного жаргона позволяет выделять отдельные семантические поля и тематические группы [3, с. 224].

В своей работе «Лексика и фразеология русского военного жаргона» С. В. Лазаревич выделяет следующие тематические группы [3, с. 225]:

1. Тематические группы, отражающие военно-профессиональную деятельность:

а) **«Военная техника»** (*швейная машина* — пулемет; *акула* — подводная лодка; *pig-sticker* (букв. «свинокол») — штык, меч;);

б) **«Военные действия»** (*daily seven* (букв. «ежедневно в семь») — утренняя физическая тренировка военнослужащих; *война и мир* — учение.);

в) **«Виды и рода войск»;**

г) **«Военные звания, должности и профессии»** (*cherry* (букв. «вишня») — новобранец; *barracksrat* (букв. «казарменная крыса») — тот, кто всегда сидит в казарме, делает что-либо незаконно; *turtle-head* (букв. «черепашья голова») — новобранец, проходящий обучение; *spoon* (букв. «ложка») — повар; *серый, гаврик* — солдат);

д) **«Срок службы»** (*новые ботинки* — новобранцы, прибывшие на службу, у которых абсолютно всё новое).

2. Тематические группы, отражающие военно-бытовую сторону жизни военнослужащих:

а) **«Пища»** (*мортирка* — полевая кухня; *чифан* — еда);

б) **«Обмундирование»** (*Hershey bar* (букв. «батончик шоколада Херши») — золотая полоса на рукаве, обозначающая шестимесячную службу за границей. Знак отличия, не имеющий большой ценности; *Class-a uniform* — форма (пиджак и галстук), которую носят в штабе, а также надевают на время увольнения; *кимры* — кроссовки (по названию производящей их фабрики);

в) **«Казарменный быт».**

3. **«Межличностные отношения»** [3, с. 224–225].

Обращает на себя внимание, что практически во всех приведенных примерах военные жаргонизмы имеют отрицательную коннотацию.

Вместе с тем представленная тематическая классификация жаргонизмов обнаруживает стремление военнослужащих соединить профессиональные объекты с мирными и сгладить, таким образом, противопоставление «военной службы» и «мирной, гражданской жизни».

Помимо жаргонов и сленга, в русском военном дискурсе используются аббревиатура и сокращения. Они позволяют упростить и ускорить коммуникацию, что особенно важно в условиях военной службы, где точность и оперативность передачи информации имеют критическое значение.

В структурной классификации аббревиатур, предложенной Д. Э. Розенталем, представлены следующие типы инициальных аббревиатур [6, с. 63]:

1) буквенные аббревиатуры, которые состоят из названий начальных букв каждого слова словосочетания: **БМП** — боевая машина пехоты; **ВДВ** — воздушно-десантные войска; **РВСН** — ракетные войска стратегического назначения и т. п.

2) звуковые аббревиатуры, которые состоят из начальных звуков каждого слова словосочетания (они читаются, как слова): **АСУВ** — автоматизированная система управления войсками; **ПРО** — противоракетная оборона; **САБ** — служба авиационной безопасности и т. п.

3) аббревиатуры, образованные из сочетания начальных звуков и букв: **БПЛА** — беспилотный летательный аппарат; **ДРЛО** — дальнее радиолокационное обнаружение и т. п.

Далее следует классификация аббревиатур сложносокращенных слов:

1) аббревиатуры из сочетания начальных частей слов исходного словосочетания (слоговая аббревиация): **спецназ** — специальное назначение; **штрафбат** — штрафной батальон и т. п.

2) смешанные аббревиатуры, совмещающие элементы двух предыдущих: **врио** — временно исполняющий обязанности; **главк** — главный комитет и т. п.

3) аббревиатуры из сочетания начальной части слова (слов) и несокращенного целого слова (слого-словная аббревиация): **подлодка** — подводная лодка; **авиаразведка** — авиационная разведка и т. п.

4) аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного: Минобороны — Министерство обороны; **комроты** — командир роты и т. п.

5) аббревиатуры из сочетания начала первого слова с началом и концом второго: военкомат — военный комиссариат; эсминец — эскадренный миноносец и т. п. [6, с. 63-65].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что аббревиация как способ словообразования вносит значительный вклад в развитие и пополнение военной терминологии в частности, словарного состава русского языка в целом.

Таким образом, лексические инновации в военном русском языке являются важным показателем изменений в военной сфере и обществе. Их изучение позволяет не только фиксировать новые явления, но и понимать механизмы адаптации языка к новым условиям. Анализ источников и функциональных особенностей новых слов и выражений помогает глубже понять процессы, происходящие в военной сфере, и их отражение в языке. Можно сказать, что военная лексика — открытая система, которая постоянно формируется, дополняется, трансформируется под воздействием лексической системы русского языка. Сегодня она не ограничивается рамками узкоспециального употребления, так как многие ее элементы стали частью общеупотребительного литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапова, Н. С. Калька / Н. С. Арапова // Языкоzнание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 211.
2. Бабаян, В. Н. Основные способы заимствования иностранных слов в русской военной терминологии (переводческий аспект) / В.Н. Бабаян // Лингвистические аспекты совершенствования современной системы высшего образования: материалы Международной научно-практической конференции (30 апр. 2015 г.): в 2 т. Т.1 Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт»; — ОАБИИ, 2015. — С. 14-18.
3. Захарчук, О. А. Тематическая классификация военного жаргона как отражение профессионального восприятия военнослужащих. Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 24 (239). — Филология. Искусствоведение. — Вып. 57. — С. 224–226.
4. Казакова, Т.А. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. — СПб.: «Союз», 2000. — 320 с.

5. Кривенков, Н. С., Бабаян, В. Н. Иноязычные заимствования как один из основных способов пополнения военной, политической и технической терминологии современного русского языка через призму перевода. Семьдесят третья всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием. 20 апреля 2020 г., Ярославль: сб. материалов конф. В 2 ч. Ч. 1. — Ярославль: Издательство ЯГТУ, 2020. — С. 826-831.
6. Ле А. Аббревиация как способ словообразования в русской военной терминологии (на материале текстов СМИ) // Филология: научные исследования. — 2019. — № 3. — Режим доступа: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30193

Поступила в редакцию 20.08.2025. г.

R. I. Atabieva

ANALYSIS OF LEXICAL INNOVATIONS: LEARNING NEW WORDS AND EXPRESSIONS IN MILITARY RUSSIAN, THEIR SOURCES AND FUNCTIONAL FEATURES

In the context of the rapid development of military technologies, the changing nature of military conflicts and the globalization of military cooperation, the lexical composition of the military language is actively replenished with new words and expressions. Lexical innovations in military Russian are an important object of linguistic research, as they not only capture new realities, but also demonstrate the mechanisms of language adaptation to changing conditions. The study and analysis of lexical innovations in military discourse is an urgent task, since it allows not only to capture new linguistic phenomena, but also to understand their role in communication, as well as to identify mechanisms for adapting language to changing conditions.

Key words: *military language, lexical innovations, military discourse, military terminology, borrowings, word formation, abbreviation*

Атабиева Роксана Исломовна.

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик, РФ.
Университет.

Аспирант.

E-mail: tokhova.roxana@yandex.ru

Atabieva Roxana Islamovna.

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, RF.
Graduate student.
E-mail: tokhova.roxana@yandex.ru

Кремшокалова Марина Чатленовна.

Кандидат филологических наук.
Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: marina_kremshokalova@mail.ru

Kremshokalova Marina Chaflenovna.

Candidate of Philology.
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, RF.
Associate Professor of the Department of Russian Language.
E-mail: marina_kremshokalova@mail.ru

УДК 81'374

DOI: 10.5281/zenodo.18037553

A. P. Кулакова © 2025

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
(Научн. рук. — канд. филол. наук Д. В. Салмина)*

КОНЦЕПТ БОЛЕЗНЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье исследуется концепт *болезнь* в русской языковой картине мира, его эволюцию и трансформацию. *Болезнь* рассматривается как физиологическое и метафорическое явление, отражающее изменения в обществе, науке и культуре. Особое внимание уделено влиянию эпидемий и пандемий на восприятие концепта. Анализ языковых единиц в толковых, исторических, ассоциативных и фразеологических словарях позволяет проследить динамику языковых изменений. Рассмотрены неологизмы, связанные с микроконцептами *дом, обман и маска*, возникшие в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: *концепт, языковая картина мира, лексикография, толковые словари, словари новых слов, неологизмы, фразеологизмы.*

Концепт *болезнь*, отражающий состояние недуга и страдания, является одним из ключевых в языке и культуре. Его восприятие менялось на протяжении веков в связи с развитием общества, науки и философской мысли. Цель статьи — проследить динамику представлений о болезни: от физиологического состояния, вызванного патогенными факторами, до метафорического осмысления, при котором болезнь становится символом разрушения или дисфункции. Особое внимание уделяется влиянию социальных изменений, таких как эпидемии и пандемии, которые привносят новые смысловые оттенки в восприятие этого явления.

Термин «концепт» интерпретируется лингвистами различным образом, что обуславливает необходимость его определения в рамках статьи. В. И. Карасик предлагает понимать под «концептом»: «...многомерные смысловые образования, являющиеся точками пересечения ментального мира человека и мира культуры» [11, с. 4]. Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [24, с. 42]. Актуальным в рамках данной статьи является определение концепта, предложенное Е. В. Сергеевой: «Концепт — это ментальное образование, присущее в языковом сознании, прошедшее процесс означивания, осознаваемое языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и вербализованное лексическими единицами языка» [22, с. 1]. Инвариантное значение — это ядро концепта, которое остаётся неизменным при определённых изменениях. В случае концепта *болезнь* его основное значение сохраняется на протяжении времени, однако его структура, ассоциативно-семантическое поле, меняется, отражая динамику восприятия явления.

В статье последовательно исследуются данные различных типов словарей. Толковые словари позволяют выявить основные значения лексемы и семантически связанных слов. Исторические — помогают проследить эволюцию концепта в разные периоды развития языка, отражая изменения в его восприятии. Ассоциативные словари дают возможность изучить ассоциативно-семантическое поле, связанное с концептом, а фразеологические — демонстрируют устойчивые выражения, которые отражают культурное и эмоциональное восприятие *болезни*.

Толковые словари играют ключевую роль в изучении концепта, поскольку, как отметил Ю. Д. Апресян, «задача лексикографа состоит в том, чтобы вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить её в системе толкований» [2, с. 57]. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, многие исследователи считают памятником идеологии тоталитарного государства. Этот словарь построен на оппозиции «свой — чужой» с использованием таких операторов, как «капиталистический», «революционный» и др. Выбор иллюстративного материала в нём обусловлен идеологическим фактором.

Болезнь, и, ж. 1. Расстройство здоровья, недуг, хворь. <...> 2. перен. Уклонение от нормы, расстройство чего-н. <...> Болезнь роста — ненормальное явление, объясняемое ростом организма физического или общественного.

При толковании устойчивого сочетания *болезнь роста* используется конструкция *ненормальное явление*, в то время как в более поздних словарях оно толкуется как *трудности* или *временные трудности*. Следует выделить и отлагольное существительное *уклонение*, описывающее болезнь в переносном смысле. В последующих лексикографических трудах та же семема будет описываться через существительное *отклонение*. Первая лексема имеет негативную коннотацию (**Уклониться**. ◊ Перестать придерживаться чего-л., отклониться, отойти от чего-л. первоначального, главного, **правильного**), в отличие от второй (**Отклониться** ◊ Двигаясь, переместиться в сторону от первоначального направления) [БТС]. Так,

болезни общества в 30-е годы воспринимаются в словаре как целенаправленное вредительство, намеренное отклонение от нормы, истины.

Объёмное толкование, не имеющее идеологического компонента, представлено в «Большом толковом словаре современного русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС).

БОЛЕЗНЬ, -и; ж. 1. Конкретное заболевание, нарушающее деятельность организма (или его отдельных органов) <...> Освобождён от работы по болезни <...> Морская б. <...> Падучая б. (устар.; эпилепсия). Сахарная б. (сахарный диабет). <...> 2. Разрушение, повреждение чего-л. Болезни камня, бумаги. 3. Отклонение от нормы в чём-л.; отрицательное качество, свойство. Скупость — б. старости. Нигилизм — б. вeka. <...> Желчнокаменная болезнь <...>.

Данное толкование демонстрирует две стороны *болезни*. С одной стороны, это может быть временное состояние, вызванное внешними обстоятельствами, например, *морская болезнь*. С другой, это хроническое и неизлечимое состояние человека — *падучая болезнь, сахарная болезнь* и т. д.

«Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г. Н. Скляревской описывает лексику одного из сложных и противоречивых моментов истории русского языка (1985–1997). Лексема *больной*, представленная в словаре, находится под графическим знаком «новое значение; первая словарная фиксация». Пометы указывают на принадлежность этого слова к публицистическому стилю и очевидную актуальность его использования в период социально-политических перемен.

Больной <...> Перен. Публ. Находящийся в упадке, в глубоком кризисе (об экономике, обществе и т. п.) <...>.

В словаре также представлены как новые слова *ВИЧ-инфицированный* и *спидовед*, как относительно новые — *ВИЧ, ВИЧ-инфекция, СПИД, спидовый*. Это гнездо свидетельствует о том, что проблема СПИДА была актуальной для общества того времени. Динамика концепта *болезнь* демонстрирует переход от ассоциации *болезнь — СПИД* к ассоциации *болезнь — коронавирус*, что будет продемонстрировано далее.

Анализ материалов толковых словарей не представлялся бы возможным без обращения к «Активному словарю русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна.

БОЛЕЗНЬ <...> У него целый букет болезней <...>. 1. Образные употребления применительно к ненормальному состоянию душевного мира человека: Любовь, это такая болезнь воли (М. Голованивская) <...>. 2. Образные употребления применительно к ненормальному состоянию какой-либо сферы человеческой жизни или деятельности: болезнь века <...>. Существование и протекание болезни: <...> Болезнь затаилась <...>. устар. дурная <нехорошая> болезнь «венерическая болезнь» <...>

Переносное значение лексемы впервые выносится как отдельная семема, демонстрируя антропоцентризм словаря. В словарной статье обнаруживается словосочетание *букет болезней*. Эта метафора демонстрирует противоположные возможности сочетаемости поля «цветение». С одной стороны, болезни могут быть в таком большом количестве, что *цветут как букет*, с другой стороны, здоровый человек *цветет и пышет*, что будет показано далее на материале фразеологических словарей. Раздел «протекание болезни» содержит речение, указывающее на её персонификацию: *болезнь, затаилась*. Болезнь также может вызывать чувство стыда, что способствует созданию эвфемизмов: *дурная болезнь = венерическая болезнь*.

Рассмотрим исторические словари. В «Словаре Академии Российской» можно обнаружить ещё одну грань понимания *болезни*. Гнездовой принцип составления Словаря Академии Российской позволяет проследить за деривационным потенциалом лексемы *боль*, производящей к *болезни*. Элементы гнезда *соболезнование* и *сердоболие* вербализуют идею сопряжённости боли физической и душевной.

Следующим словарём был выбран «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Искомая лексема обнаруживается в гнезде *боль*. И в Словаре Даля, и в САР лексемы *боль* и *болезнь* являются синонимами.

БОЛЬ ж. болезнь <...> Боль врача ищет. || Самое чувство, телесное страдание. <...> грызучая (грызь) <...> || *Чувство горя, истомы, страданий душевных; скорбь, грусть, тоска, кручина <...> || Новг. вор. орл. об. больной человек, хворый, недужный, особенно роженица. <...>. Не тот болен, кто лежит, а тот, кто у боли (над болью) сидит. <...> Нищий болезней ищет, а к богатому они сами идут. <...> Болеусыпный.

Даль выделяет дуальность *болезни* — её телесное и духовное проявления. Отражена и важность сострадания больному в русской культуре, для которой характерны соборность и милосердие: «*Не тот болен, кто лежит, а тот, кто у боли (над болью) сидит*». *Болезни* характерна персонификация, она воспринимается как некий враг. Так, *болезнь грызёт* человека, *идёт* к нему, *ищет*. Слово *boleusyipnyj* в своей внутренней форме несёт понимание того, что болезнь можно усыпить, как зверя. В подобных случаях, очевидно, происходит расширение синтагматики лексемы.

Ассоциативные словари отражают сознание общества в период проведения ассоциативного эксперимента. Благодаря этому типу словарных изданий можно рассмотреть тезаурус носителей языка определённой эпохи. Одно из наиболее фундаментальных изданий такого типа — «Русский ассоциативный словарь». Реакции на слово-стимул *болезнь* подтверждают её персонификацию. Это реакции: *враг, коварная*. Среди реакций можно выделить поле «эмоции», ядром которого становится лексема *тяжелая*. Близкими к ядру реакциями будут *горе, страшная, плохо, несчастье, опасная, сильная, страх*. Менее частотные реакции: *серъёзная, проклятая, мука, изнурительная, противная, ужас, неумолимая, противная, страдание, утрата*. Все они имеют негативную коннотацию. Реакции *друга, бабушки, отца* подтверждают, что частью концепта становится сострадание, сопереживание близкому. Для языкового сознания человека эпохи «перестройки» характерна реакция *СПИД*, а также *болезнь века — СПИД*. Необходимо выделить реакцию *любовь*. Концептуальная связь *болезни* и *любви* может рассматриваться с разных сторон. С одной стороны, *любовь* — *болезнь*, потому что она «заражает человека», нарушает его привычную жизнедеятельность. Подтвердить это могут примеры, найденные в НКРЯ.

Постепенно он убеждается, что он, очевидно, заболел «любовью» [Е. И. Замятин. Д-503 (1932)]

— Пройдёт! Любовь — болезнь излечимая. [Максим Горький. Троє (1901)]

Любовь есть болезнь: лихорадочное состояние тела, производящее помрачение в уме. [Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)]

С другой стороны, *любовь* также может излечить *болезнь*: «Одна любовь может вылечить болезнь твою...» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)]

«Славянский ассоциативный словарь» (САС) основан на концепции и методике РАС. В статье *больной* многие ядерные реакции повторяются, поскольку они будут стандартными вне зависимости от времени. Сохранившей относительную частоту становится реакция *СПИД*, поскольку эта проблема остается актуальной и в конце девяностых годов. Прослеживается динамика в периферийных реакциях. Наблюдается увеличение частоты реакций с семантикой болезней душевных, психических. Если в РАС обнаруживается лишь 5 реакций, связанных с этой темой (*голова, головы, душевная, нервная, ума*), то в САС таких реакций уже 13 (*на голову, псих, ум, головой, безбашенный, дурдом, дурной, душевная, придурак, психушка, с головой, сумасшедший, шизофрения*). Всплеск психических заболеваний характерен для эпохи перемен, времени экономических кризисов, нестабильной ситуации в стране — конец девяностых годов был именно таким временем.

Уникальная в этом словаре реакция *жёлтый*. Жёлтый цвет в романах Достоевского является одним из наиболее значимых символов. Этот цвет часто ассоциируется с болезнью, страхом, отчаянием и смертью. В романе «Преступление и наказание» жёлтый цвет появляется при описании комнаты старухи-процентщицы: «*жёлтая, мрачная, низкая, душная, как могила*». Он создаёт атмосферу страха и отчаяния, которые сопровождают Раскольникова во время его преступления [10, с. 3]. В романе «Бесы» жёлтый цвет также играет важную роль. Он является символом болезненности героя, например, Варвары Ставрогиной: «...это была высокая, жёлтая, костлявая женщина...» [17, с. 173]. Слово-стимул *жёлтый* в РАС вызывает следующие негативные реакции, связанные с расстройством здоровья: *больной, гепатит, ядовитый, цвет кожи*. Следует отметить, что эти реакции являются периферийными. Тесная связь концептов *болезнь* и *здоровье* приводит к общности их элементов. Жёлтые и зелёные оттенки характерны для хроматического слоя обоих концептов. Это обусловлено и тем, что более насыщенные оттенки жёлтой части спектра, по всей видимости, связаны с тем, что в обыденном сознании здоровье ассоциируется также с силой, энергией, счастьем, которые в русской культуре соотносятся с солнцем, светом, огнём. Хроматический слой концепта *болезнь* содержит те же оттенки, но со значительным сдвигом в сторону тёмных оттенков, ассоциативно связанных с разложением, распадом и процессами разрушения [8, с. 4].

Выше внимание уже было обращено в область фразеологии в широком понимании посредством обращения к словарю Даля и Словарю Академии Российской, однако следует рассмотреть аспектные словари идиоматики. Как справедливо отмечает В. Д. Черняк, «соединение собственно лингвистического и лингвокультурологического знания воплощается, прежде всего, в словарях фразеологических, особенно ярко представляющих особенности национальной языковой картины мира» [28, с. 2]. Можно выделить несколько тематических блоков фразеологизмов, формирующих структуру концепта *болезнь*.

Первым следует обозначить блок, связанный с **профилактикой болезней**. В работе В. И. Даля «Пословицы русского народа» присутствуют фразеологизмы, в которых утверждается польза хлеба для здоровья: «Хлеб да вода — здоровая еда». Национальная специфичность подобных методов осмысливается в фразеологизме: «Что русскому здорово, то немцу смерть». В этой же работе выделяются пословицы, посвящённые пользе других пищевых продуктов: «Лук семь недугов лечит»; «Хрен да редька, лук да капуста — лихого не попустят». Однако отмечается и необходимость в умеренном потреблении пище и самоограничении: «Где тиры да чаи, там и немочи»; «Не еши масляно: ослепнешь». К национально-специфичным методам относятся баня и закаливание: «Баня — мать вторая»; «Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле!».

Особой чертой русской ЯКМ можно назвать сочетание язычества и православия. С помощью магических обрядов, основанных на специальных действиях с произнесением малых фольклорных текстов, происходили профилактика заболеваний или их излечение: «Кто утром в Великий четверг скупается прежде ворона, здоров будет»; «Проповедовал Иоанн истину в сухом древе и в воде; был я в поле, видел мертвых: у мертвых зубы не болят; так и у раба бы *N.* не болели (заговор от зубной боли)».

Следующий тематический блок, характерный для концепта *болезнь* — это **причины заболевания**. В «Большом словаре русских пословиц. Около 70 000 выражений» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной содержатся пословицы, которые демонстрируют, что для русской ЯКМ характерно восприятие работы как причины болезни: «От [крестьянской] работы не будешь богат, а будешь горбат»; «От работы живот недалеко живёт»; «От работы кони дохнут».

Третий тематический блок связан с **отношением человека к врачам**. Именно эта сторона концепта *болезнь* не подвергается динамике с развитием языка и становится

наиболее актуальной в период пандемии коронавируса. Понятие *врач* в русской ЯКМ обретает негативную окраску. Истоки этого, возможно, кроются уже в этимологии слова, поскольку лексемы «врач» и «вратъ» являются этимонимами. Врач воспринимается как необразованный, корыстный, незаинтересованный в выздоровлении больного человек, которому выгодно долго и неэффективно лечить человека, чтобы получить материальную выгоду. Это же недоверие касается и лекарств, выписываемых врачами. Для русского человека характерна идея того, что здоровьедается свыше, если человек им не обладает по своей природе, то лекарь ему не поможет. В этой идеи отражается и фатализм русского характера, и осознание собственной ничтожности перед высшими силами, богом, и надежда на «русский авось», который также является характерным и уникальным концептом для русской ЯКМ и «выражает излишнюю беспечность и пониженнную активность русского человека» [13, с. 770].

В работе В. И. Даля обнаруживаются следующие материалы: «*Не дал бог здоровья — не даст и лекарь*»; «*Не лечит аптека — калечит*»; «*Полечат, авось даст бог и помрет*»; «*Лекарь свой карман лечит*»; «*Где много лекарей, там много и больных (и недугов)*» и другие. Встречаются пословицы и поговорки, демонстрирующие, что здоровье представляется наивысшей ценностью: «*Здоровье всего дороже*»; «*Здоровье дороже богатства*»; «*Деньги — медь, одежда — тлен, а здоровье — всего дороже*».

Здесь также можно обнаружить специфический для русской культуры зооморфный код. Здоровый человек сравнивается с крупным скотом. Такое сравнение может быть объяснено физической силой этих животных, размером, а также их важностью в жизни крестьянина, скот воспринимался как кормилец, потому его физическому здоровью уделяется особое внимание: *Здоров, как бык, как боров*.

Болезнь в русской культуре ассоциируется с изменением формы тела, уподоблению человека крюку, дуге. Здоровый душой и телом человек, имеющий внутренний стержень, стремится к вертикали. Вертикаль связана с мотивом «верх», поскольку на вершине скрывается божественный мир, а человек создан по образу и подобию бога [7, с. 7]. Здесь кроется не только специфика русского сознания, но и античная традиция, и общехристианская. Вертикаль прослеживается в архитектурных традициях, шпилях храмов, стелах и обелисках. Этот же мотив характерен для творчества М. В. Ломоносова: «*Восторг внезапный ум пленил, / Ведет на верх горы высокой...*». Болезнь нарушает вертикаль, устремляет взор человека к земному, к низкому: «*Барского слугу стало гнуть в дугу*»; «*В крюк свело, согнуло, скорчило*»; «*Уходила, умучила, согнула да скрючила (болезнь, лихорадка)*».

В словаре М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии» обнаружены единицы, основанные на метафорах *горения* и *цветения*. *Здоровье* в русской ЯКМ связано с пламенем, огнём, что также упоминалось выше при описании цветового аспекта концептов *болезнь* и *здоровье*. Связь огня с избавлением от болезни может объясняться мировоззрением славян. Огонь считался очищающей стихией, способной выжигать болезни: «*Древним славянским обрядом, сохранившимся почти до наших дней, было возжигание «живого огня» и его употребление как средства против эпизоотии — повальных болезней и мора скота*» [27, с. 7]. Цветение связано со здоровьем, поскольку это процесс, связанный с *воскрешением* после долгой зимы-смерти, обретением силы, благоуханием и ростом.

«*пышет здоровьем* (иноск.) — отличается видом очень здорового человека (пышущего, т.е. сильно дышащего или краснощекого, — со щеками, пышущими как огонь) ...» / «*цвести* (иноск.) — процветать, преуспевать Ср. *Цвести здоровьем, красотою. Ср. Цветущее здоровье...*» [Русская мысль и речь. Свое и чужое].

Словарь «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко — это первое собрание русских антипословиц. Так называют современные версии известных

пословиц и новые выражения, похожие на пословицы, которые возникли в современной России [12, с. 170]. Словарный материал демонстрирует, что скептическое отношение русского человека к врачам не подвергается динамике и проходит сквозь века. Врач всё также воспринимается как корыстный непрофессионал, а болезнь — это причина крупных финансовых трат: «Заработал болезнь — зарабатывай на лечение»; «Не так страшна порой болезнь, как ее малют врач, которого мучает жажда наживы»; «Время лечит, но за деньги быстрее»; «Не набивайте цену лекарствам, они и так сильно бьют по карманам»; «Иное лекарство похоже на динамит, который подрывает здоровье»; «Не умирайте от диагноза: он может еще не подтвердится»; «Больной нуждается в уходе врача. И чем дальше то уйдет, тем лучше».

Динамике не подвергаются метафоризация и переносное понимание болезни как отклонения от нормы в различных сферах, которое выражается в виде языковой игры и используется в публицистическом дискурсе. Оно типично для каждой эпохи: «коррупция — болезнь грязных рук / как человеке, так и в государстве опаснее всего та болезнь, которая начинается с головы». Подобная языковая игра частотна в текстах газетных статей. Примеры функционирования лексемы болезнь в переносном значении в этом дискурсе были найдены в НКРЯ:

Проблемы, с которыми сталкивается социалистическое содружество, имеют мало общего с болезнями современного капитализма: застоем и падением производства, нарастающей инфляцией и безработицей. [МИР СОЦИАЛИЗМА. СЭВ: стратегия на восьмидесятые // Аргументы и факты, 1983.01.19]

Советофобия — старая американская политическая болезнь. [ТРЕЗВЫЙ ГОЛОС. Американский профессор о «советофобии» в США // Аргументы и факты, 1983.06.07]

Стремительный её [преступности] рост называют внутренней болезнью общества. Болезнь эта неизлечима и прогрессирует. [ЛИЦО «СВОБОДНОГО» МИРА. США: культ насилия // Аргументы и факты, 1983.12.27]

Все хронические болезни — массовая безработица, инфляция, бюджетные дефициты и т. п. — достигали колоссальных масштабов. [ЗА СТРОКОЙ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИХ ДОКУМЕНТОВ. Современный мир: борьба сил прогресса и реакции // Аргументы и факты, 1986.02.11]

Все эти меры ... направлены не только на оптимизацию работы городского правительства, но и на борьбу с главной чиновничьей «болезнью» — коррупцией. [Илья Королев. Полтавченко начал борьбу с коррупцией // Известия, 06.06.2012]

Круг замкнулся, политические задачи свернулись в бюрократическое колесо, и покатилось оно по дороге в никуда. Это российская болезнь, так прекрасно диагностированная Чеховым: чего только не делается ненужного, вздорного — и это потому, что совсем не делается нужного. [Почему Путину стоит работать поменьше // Ведомости, 2019.12.01]

Дмитрий Песков назвал инфляцию не только большой головной болью правительства, но и болезнью, от которой страдает весь мир. [В Кремле считают инфляцию болезнью мирового масштаба // Парламентская газета, 2021.12.26]

Перечисленные примеры подтверждают тезис о том, что для каждого времени характерны «болезни века». В СССР писали о болезнях капиталистического общества. Болезни России — инфляция, падение валютного курса, безработица, бюрократия, коррупция.

Помимо этого, объектом внимания данного словаря становится тема самолечения, которое воспринимается как негативное явление: «*тот, кто лечится по медицинскому справочнику, рискует умереть от опечатки*».

В русской ЯКМ болезнь не всегда обладает лишь отрицательными свойствами, в некоторых случаях возможно её позитивное восприятие, связанное с возможностью

избежать работы, вызвать чувство жалости. С одной стороны, в этом аспекте концепта болезнь выражается юмористическая сторона русского сознания: «Болезнь — мигрень: есть охота, а работать лень»; «Все болезни от нервов, только венерические — от любви»; «Хорошая болезнь склероз: ничего не помнишь и каждый день новости». С другой стороны, она причиняет человеку не только страдания, а, оказывается, ещё и удобной, выгодной. Это способ обратить на себя внимание, быть услышанным, вызвать жалость, то есть чувство важное и понятное русскому человеку, свойственное его христианскому жертвенному мировосприятию. И. Б. Левонтина в сборнике эссе «Азбучные истины», составленном М. К. Голованивской, справедливо отмечает, что «жалость — одна из самых непосредственных и в то же время одна из самых сильных культурных эмоций, описываемых русским языком» [9, с. 12]. Жалость, в том числе к больному, может быть сопоставима с любовью, что иллюстрируется в романе Ф. М. Достоевского «Идиот», в котором князь Мышкин говорит: «Я ведь тебе уж и прежде *растолковал*, что я её «не любовью люблю, а жалостью»». Мотив болезни-удовольствия встречается и в повести «Записки из подполья», в котором герою-парадоксалисту с «подпольным сознанием» физическая боль может приносить «наслаждение, доходящее иногда до высшего сладострастия». Этот аспект концепта раскрывается и в рассказе А. П. Чехова, который, несомненно, был тесно связан с медициной, «Рассказ неизвестного человека»: «Даже болеть приятно, когда знаешь, что есть люди, которые ждут твоего выздоровления как праздника».

Обратимся к словарю новых слов — «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», который представляет собой уникальное собрание слов и выражений, появившихся или актуализировавшихся в русском языке в период пандемии COVID-19. Словарь демонстрирует, что периферийные зоны концепта болезнь актуализируются, его ядерными элементами становятся лексемы и выражения, семантически ранее никак не связанные с ним. Следует рассмотреть три таких зоны, три микроконцепта, формирующих болезнь в современном русском языке. В связи с пандемией коронавируса актуализировалось лексико-семантическое поле «**дом/жилище**». Безусловно, и ранее болезнь в русском сознании была связана с пребыванием дома и, в частности, с постелью, что демонстрируют, например, тексты художественных произведений и публицистика, найденные с помощью НКРЯ:

Эпидемическая **болезнь**, которую называют гриппом, многих засадила **дома**. [А. В. Никитенко. Дневник (1833)]

Я отвечал изъявлением совершенной радости исполнить желание их, но вместе с тем извинялся, что по **болезни** не могу выйти из **дому**. [Н. Т. Муравьев. Письма русского из Персии (1844)]

Я был очень связан взаимной любовью и, я бы сказал, дружбой с родителями, особенно с матерью, которая с 36-летнего возраста была прикована **болезнью к постели** (оставаясь душой семьи, дома и круга друзей). [Е. М. Мелетинский. Моя война (1971–1975)]

О связи постели и болезни в русской ЯКМ свидетельствует и наличие в языке устойчивого сочетания «приковать к постели», отмеченное в иллюстративном материале БТС:

ПРИКОВАТЬ <...> 2. кого. Заставить оставаться в неподвижном положении, на определённом месте. *Болезнь приковала к постели, койке. <...>*

Если раньше дом и постель воспринимались как средства, помогающие побороть болезнь, облегчить муки больного, то после 2019 года из-за введения карантина произошел всплеск словотворчества и создания текстов, в которых коронавирус стал ассоциироваться с домом в другом ключе. Дом воспринимался не только как место, которое может уберечь человека от заражения, помочь ему выздороветь, но и как место

вынужденной изоляции. В связи с этим возникли негативные и ироничные коннотации у лексем, связанных с этим микроконцептом. К таким лексемам мы относим следующие статьи из «Словаря русского языка коронавирусной эпохи»: *вжоперти, дачаизоляция, дивановирус, диванстрия, домасиделец, домоизоляция, домосек, заквартирье, наружса, наружать, наружение, сидидомец, хоумсексуал*.

Отметим лексемы, демонстрирующие представление о пространстве в наивном сознании, которое делится на *своё* — то, что находится в доме, и на *чужое* — то, что находится за домом, снаружи. Второе воспринимается как нечто опасное, заразное, представляющее угрозу для жизни и здоровья. Здесь выделяются неологизмы: *заквартирье, наружса, наружать, наружение*. Такое словотворчество может быть следствием архетипических представлений о круге (круг — аналог квартиры, дома). Круг — один из наиболее значимых славянских мифопоэтических символов, отражающий представления об основных формах структурирования пространства (деление на «своё — чужое», где круг — граница охраняемого пространства) [19].

С другой стороны, анализируемый словарь даёт следующую словообразовательную мотивацию лексемы *заквартирье*.

Контаминация: *зазеркалье* (о месте, где положение вещей доведено до бессмыслицы, абсурда) + **квартира**. <...>.

«Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой предлагает толкование лексемы *зазеркалье*, мотивирующей *заквартирье*.

зазеркалье ср. 1. Некая невидимая и непонятная для непосвященных область жизни и деятельности (в том числе и общественной), где положение вещей может быть **доведено до бессмыслицы, до абсурда**. <...>.

Возникновение лексемы *заквартирье* показывает, что во время пандемии окружающий мир казался не только опасным, но и абсурдным, непонятным.

Следующим ЛСП, которое актуализировалось, стал поле **«обман/ложь»**. Как и в случае с *домом*, *обман* уже был частью концепта *болезнь*. Однако лексемы с такой семантикой были на дальней периферии представленного концепта и не находили такого активного воплощения в языке. В это поле попадают следующие единицы: *квазикарантин, ковид-диссидент, ковидоотрицал, ковидо-отрицание, корона-атеист, коронавера, коронавирус-диссидент, коронагностик, коронафейк, лоховирус, макароновирус, пандемия, псевдокоронавирус, псевдоэпидемия, фейковирус, фейкодемия, фейкопидемия, фуфловакцина, фуфломир, фуфловирус, фуфлодемик, фуфло-карантин, фуфлоковид, фуфлопандемия, фуфлотидемия*. Многие из представленных лексем образованы путём контаминации слов, связанных с болезнью и единиц, обозначающих лживую, непроверенную информацию: *фуфло, квази..., псевдо..., фейк*. Наличие в этом ряду слов, образованных на основе жargonных единиц (*лоховирус, фуфло-*) указывает на резко негативное отношение носителей русской культуры к пандемии и к тем, кто серьёзно относится к мерам защиты от вируса и к самому его существованию. Вирус воспринимается как что-то незначительное, выдуманное или же, наоборот, спланированное и созданное как биологическое оружие (*пандемия*), поэтому и все рекомендации врачей, информация из медицинских журналов, новостей, от организаций, занимающихся вопросами здоровья — обман и ложь. Динамика восприятия болезни обнаруживается в лексеме *ковид-диссидент*, созданной по аналогии со словом *вич-диссидент*. Отрицание доказанных наукой болезней существовало и ранее, однако теперь фокус внимания сместился на новый вирус.

Следующий элемент в структуре концепта — зона языковых единиц, связанных с микроконцептом **«маска»**. До пандемии коронавируса связь *болезни* и *маски* не рождала никаких негативных коннотаций, маска воспринималась только как средство индивидуальной защиты. Теперь же маска неразрывно связана с коронавирусом и концептом *болезнь*. В лексико-семантическое поле **«маска»** попали следующие единицы:

голомордый, голоносик, замасочник, антимасочник, маскарад, маска-ушанка, маскер, маски-шоу, маскобесие, маскозакидательство, маскоистерия, маскомания, маскомода, масконос, маскопаника, маскофил, масочник-перчаточник, масочничество, медмаски-шоу, намордник. В этом поле обнаруживаются семантически противоположные группы. Первая — группа единиц с негативной коннотацией по отношению к тому, кто носит маски (*маскобесие, маскоистерия, маскомания, маскомода, масконос, маскопаника, маскофил, масочник-перчаточник, масочничество, медмаски-шоу, намордник*). Эта группа по смыслу сближается с предыдущем полем или микроконцептом «обман» и показывает недоверие населения к такой мере защиты и к существованию вируса. Вторая — единицы, содержащие элемент иронии и созданные для порицания тех, кто не носит маски, и, следовательно, распространяет вирус (*голомордый, голоносик, антимасочник, маскозакидательство*). Какие могут быть причины того, что закон, предписывающий обязательное ношение медицинской маски в общественных местах, вызвал столь негативную реакцию у россиян? В русской языковой картине мира концепт *маска* имеет несколько аспектов. Мaska может символизировать скрытие истинных чувств и намерений, что находит отражение в выражениях типа *носить маску, снять/сорвать маску*. Это связано с представлением о том, что люди могут скрывать свои истинные эмоции и намерения под маской вежливости, дружелюбия или равнодушия. Ю. С. Степанов в «Словаре русской культуры» описывает концепт *личность* и объясняет его связь с концептом *лицо* следующим образом: «...индивидуальность человека, его неповторимость связана с его индивидуальным внешним лицом, обликом» [24, с. 568]. Это значит, что вынужденное скрытие лица под маской лишает человека его индивидуальности, уничтожает его персону. Человек теряет своё лицо, а, значит, и образ, он становится *безобразен*, следовательно, отречён от Бога, так как создан по его образу и подобию. Такое объяснение имеет право на существование, поскольку нельзя отрицать влияние христианской философии на формирование русской языковой картины мира.

Негативное отношение к маскам демонстрирует и семантический неологизм *намордник*. В БТС дано единственно возможно использование этого слова только по отношению к животным:

НАМОРДНИК, -а; м. 1. Ременная или проволочная сетка, надеваемая на морду собак и некоторых других **животных**. <...>.

Концепт *болезнь* в русской ЯКМ представляет собой сложное и динамичное явление, включающее физиологические и метафорические аспекты. Его ядро остаётся неизменным, но структура и ассоциативно-семантическое поле эволюционируют, отражая изменения в обществе, науке и культуре. Частью концепта являются профилактика болезней, причины заболеваний и отношение к врачам, часто окрашенное недоверием и фатализмом. В «доковидную эпоху» динамика концепта проявлялась в переносных значениях, а пандемия COVID-19 актуализировала микроконцепты *дом, обман и маска*. Таким образом, неологизмы отражают изменения в восприятии болезни и демонстрируют, как язык фиксирует глобальные кризисы. Исследование концепта *болезнь* позволяет глубже понять взаимосвязь языка, культуры и социальных трансформаций в условиях меняющегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активный словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянской культуры, 2014 — С. 311.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. М., 1974. — С. 57.
3. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gramota.ru/slovare/info/bts/>
4. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа. — СПб.: Издат. дом «Нева», 2005. — 573 с.

5. Даль, В. И. Пословицы русского народа. — М.: АСТ, 2003. — 734 с.
6. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Рус. яз., 2000. — Т. 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.efremovaislovari.ru>
7. Гончарова, О. М. Богородичные черты русской женственности в одах М. В. Ломоносова // Культура и текст. 2005. №9. — С. 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bogorodichnye-cherty-russkoy-zhenstvennosti-v-odah-m-v-lomonosova>
8. Грибер, Ю. А., Юнг И. Л. Здоровье и болезнь: цветовые ассоциации в современной русской культуре // Человек и культура. 2018. №5. — С. 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-i-bolezn-tsvetovye-assotsiatii-v-sovremennoy-russkoy-kulture>
9. Жалость // Азбуочные истины / сост. М.К. Голованивская. — М.: Clever, 2016. — С. 12.
10. Кадушина, О. И. Еще раз о символике желтого цвета в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / О. И. Кадушина. — Текст: электронный // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых / Уральский федеральный университет. — Екатеринбург: УрФУ, 2019. — С. 3. — URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/74360>
11. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты. — Гнозис, 2004. — С. 4.
12. Козырев, В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший монография. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. — С. 170.
13. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. — С. 770.
14. Маркович, В. М. О «трагическом значении любви» в повестях И.С. Тургенева 1850-х годов: Предварительные замечания // Поэтика русской литературы: [сб. ст.: к 70-летию Ю. В. Манна / Рос. гос. гуманит. ун-т; редкол.: Н. Д. Тамарченко (отв. ред.) и др.]. — М.: РГГУ, 2001. — С. 278.
15. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х тт. — М., 1994. Т. 1–2.
16. Мокиенко, В. М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц / Междунар. ассоц. препод. рус. яз. и лит., Рос. о-во препод. рус. яз. и лит., С.-Петербург. гос. ун-т, Межкаф. слов. каб. им. проф. Б. А. Ларина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
17. Полежаева, С. С. Семантика цветовой и звуковой символики образов в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / С. С. Полежаева // Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры : материалы Всероссийской научной конференции, Липецк, 10–12 октября 2022 года. — Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. — С. 173.
18. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. — М.: Астрель: АСТ, 2002. — Т. II. От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. — 992 с.
19. Славянская мифология: энциклопедический словарь. — 2 е изд., испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2019. — 512 с.
20. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: [в 6 ч.: 51 388 слов]. — СПб., 1806–1822. — Ч. 1–6.
21. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — М.: Изд-во Рос. акад. наук, Ин-т языкоznания, 2004. — 792 с.
22. Сергеева, Е. В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006, № 5. Томск, 2006. — С. 1.
23. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приемышева; ред. колл. Е. С. Громенко, А. С. Павлова, Ю. С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.
24. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — М.: Академ. Проект, 2004. — С. 42, 568.
25. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. С. Ушакова. — М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2007.
26. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Скляревской. Российская Академия наук, Институт лингвистических исследований РАН. — СПб: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. — 700 с.
27. Черных, В. В. Культ огня в мировоззренческой основе народов Древней Руси // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2007. №1. — С. 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-ognya-v-mirovozrencheskoy-osnove-narodov-drevney-rusi>
28. Черняк, В. Д. Концептуализация мира в современной лексикографии // Когнитивные исследования языка. 2014, № 18. — С. 2.

Поступила в редакцию 28.08.2025 г.

THE CONCEPT OF DISEASE IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW: DYNAMICS OF PERCEPTION

The article explores the concept of *disease* in the Russian linguistic worldview, tracing its evolution and transformation. Disease is examined as both a physiological and metaphorical phenomenon, reflecting shifts in society, science, and culture. Special attention is given to the impact of epidemics and pandemics on the perception of the concept. The analysis of explanatory, historical, associative, and phraseological dictionaries reveals the dynamics of linguistic changes. Neologisms related to the microconcepts of *home*, *deception*, and *mask*, emerging during the COVID-19 pandemic, are also discussed. The author demonstrates how language captures social and cultural transformations, highlighting the interplay between language, culture, and societal change through the lens of the *disease* concept.

Key words: *concept, linguistic worldview, lexicography, explanatory dictionaries, dictionaries of new words, neologisms, phraseology.*

Кулакова Анастасия Романовна

Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург, РФ.
Лаборант, соискатель.
E-mail: anastasiafr12102000@gmail.com

Kulakova Anastasiia Romanovna.

The Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, RF.
Laboratory assistant, postgraduate student.
E-mail: anastasiafr12102000@gmail.com

Салмина Диана Валентиновна.

Кандидат филологических наук.
РГПУ им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: diana.salminad.salmina@mail.ru

Salmina Diana Valentinovna.

Herzen University, St. Petersburg, RF.
Candidate of Philology, associate Professor of the Department of Russian Language.
E-mail: diana.salminad.salmina@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.18037648

B. A. Яковлева© 2025

*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Е. В. Кузнецова)*

ЯВЛЕНИЕ «УДЛИНЕНИЯ» ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

В статье обосновываются причины образования от коротких в отношении звукового состава междометий более длинных версий с изменёнными оттенками значений. Данный процесс противоречит назначению эмоциональных междометий — быстрой реакции на происходящее. Обоснование причин явления производится благодаря нахождению связи между морфемным составом междометий и изменением их значений, а также оттенков значений. Результат состоит в выявлении принципов варьирования значений эмоциональных междометий при редупликации производящей основы и при суффиксации. Кроме того, установлена наиболее часто используемая категория суффиксов для образования междометий: уменьшительно-ласкательные. Материалом для исследования послужила лексика, отобранная из диалектных словарей русских говоров.

Ключевые слова: *диалектизм, интонация, междометие, экспрессивность, эмоциональность.*

Изменение окружающего мира, различные события вызывают у человека реакцию, при этом данная реакция подлежит верbalному или невербальному выражению в силу социального характера природы человека. Наиболее привычный для большинства людей способ — вербальный. Для этого используются междометия: «часть речи, образованная неизменяемыми словами, которые служат для выражения различных чувств, эмоциональных оценок, реакций» [5, с. 199]. Кроме того, к междометиям причисляют звукоподражания, но в данной статье они не входят в круг рассматриваемых лексем.

Исследователи по-разному смотрят на вопрос о том, какие разряды междометий следует выделять. А. Х. Буслаев разделял междометия на разряды с точки зрения структуры [10]:

- 1) первообразные (или первичные, или непроизводные) — выражения чувства: *ах*, *увы*, *ох*, мотивирующая основа которых затемнена для носителей языка. Это закрытая группа, обычно построенная по модели сочетания нескольких звуков и не имеющая словоизменения;
- 2) простые производные (*господи*, *батюшки*, *боже мой*) — междометия, мотивирующая основа которых понятна носителю языка, но семантика этих междометийстерта и не соотносится со знаменательными словами;
- 3) сложные производные — междометия, образованные сложением нескольких слов (*спасибо* от «спаси» и «бог»).

С точки зрения И. Н. Кручининой междометия следует классифицировать с учётом их семантического значения [4, с. 290]:

- 1) междометия, обслуживающие сферу эмоций и эмоциональных оценок, например, *ай-ай-ай*, *увы*, *ах*, *ох*;
- 2) междометия, обслуживающие сферу волеизъявления и выражающие обращенные к людям или животным команды и призывы, например, к тишине (*тсс*), вниманию (*цыц*), согласию (*чур*), началу или прекращению какого-либо действия (*брись*). Следует особенно отметить, что в состав этой группы междометий иногда включают звукоподражания, используемые для общения с животными: *кис-кис*; *алле*;
- 3) междометия, обслуживающие сферу этикета, к ним относятся традиционные изъявления благодарности, приветствия, прощания, извинения, которые утратили в разной степени знаменательность: *спасибо*, *здравствуйте*.

Объединяя данные классификации, можно сказать, что материалом данного исследования стали диалектные первообразные междометия, обслуживающие сферу эмоций и эмоциональных оценок. Диалекты в данном случае выступают в качестве части языка наиболее близкой народу, той части языка, которую мы впитываем с детства и используем при выражении эмоций не задумываясь (чего и требует речевая ситуация, вызывающая эмоциональный отклик говорящего). Материал для проведения исследования был отобран по диалектным словарям говоров России.

Внимание к первообразным междометиям вызвано тем, что, как указывал А. Н. Тихонов, это «закрытая группа, обычно построенная по модели сочетания нескольких звуков и не имеющая словоизменения» [9, с. 521]. Е. В. Середа отмечала, что чаще всего такие междометия обладают полисемией. В связи с этим интересен вопрос варьирования семантических значений и того, насколько свободным является образование новых междометий от первообразных при учёте необходимости сохранения слова как знака: любой знак должен не только содержать смысл (в данном случае — значение слова), но и быть понимаемым определённой группой людей (носителями языка, диалекта).

«Эмоция — особый тип реакции индивида, в котором интегрированы специфическое душевное переживание, отношение к происходящему, физиологические реакции, выразительные акты, направление умственной деятельности, изменение активности и готовность действовать определённым образом. <...> Различают также собственно эмоции, возникающие как преходящая реакция на конкретный стимул, и чувства — устойчивое отношение индивида к определённому объекту или связанные с определёнными ценностями». [2]

Кроме того, как отмечают А. В. Кравцова и А. А. Россонанская в статье «Функционирование и роль китайских междометий на материале фильма „Здравствуйте, учитель”»: «Эмоциональный окрас, функция и роль междометия будет зависеть от

контекста или определённой ситуации» [3, с. 48]. Однако некоторые в той или иной степени устойчивые свойства данного класса слов можно выделить, обратившись к их словообразовательной цепочке.

Так, эмоциональные междометия — вербальные знаки, выразители эмоций (быстрых реакций на события). Соответственно, такие междометия должны быть краткими.

В общерусской разговорной речи, как и в диалектах, встречаются лексемы, противоречащие данной логике, например: *ой-ёй-ёй*, *ай-яй-яй* и т. п. Разрешение данного противоречия является целью исследования, достижение которой будет осуществляться посредством выполнения следующих задач:

- 1) разделение отобранного лексического материала на группы относительно морфемного состава;
- 2) рассмотрение влияния морфемного состава на лексическое значение лексем;

В первую группу диалектной лексики были отобраны редуплицированные междометия, т.к. в основном, междометия удлиняются при помощи такого типа словообразования как редупликация («повтор (повторение, удвоение); полное или частичное повторение корня, основы или целого слова как способ образования слов, описательных форм, фразеологических единиц» [7, с. 189]). При помощи подобного повтора производящей основы (ай, ой) можно влиять на уровень экспрессивности междометия: чем больше раз повторяется основа, тем выше экспрессивность и тем сильнее выражаемая эмоция.

В дальневосточных говорах бытует редуплицированное эмоциональное междометие *авáва* ‘ай-ай’; в среднерусских — *а-ля-ля* и *у-ти-ти* ‘удивление’/‘восторг’/‘неодобрение’ (при наличии в говоре *ти* и *ту* с тем же значением), *áttata* ‘ахти’ (при наличии в говоре межд. *áta* ‘неужели’); в южнорусских — *хвў-хвў* ‘досада’/‘презрение’/‘отвращение’ (общерус. — *фу-фу*); в севернорусских — *аў-аў* ‘испуг’/‘удивление’, *róх-róх* ‘одобрение’, *у́ху-ху́* ‘удивление (большому количеству)’/‘скорбь’, *ую-ю* ‘удивление (большому количеству)’.

Среди данных лексем можно выделить междометия с множественным словесным ударением (типа *аў-аў*, *róх-róх*) и междометия с одиночным ударением (типа *авáва*, *áttata*). Множественное ударение в целом несвойственное русскому языку является частым явлением в словах сложных или в сложносокращённых — имеющих более одного корня в морфемном составе слова. Междометия, образованные при помощи редупликации, можно считать сложными словами.

Рассмотрим междометия со множественным ударением. При образовании лексемы *хвў-хвў* происходит традиционная для южнорусских и некоторых среднерусских говоров замена звука [ф] на сочетание звуков [хв]. Соответственно, можно сказать, что повторение производящей основы -хву- играет роль увеличения экспрессивности при выражении эмоции, как и в случае с общерусским *фу*. По такому же принципу строятся междометия *аў-аў*, *róх-róх*.

К этой группе междометий можно отнести и лексему *у́ху-ху́*, однако здесь необходимо обратить внимание на отличие: ударение смещено с производящей основы -ху- на первый гласный звук [у]. Предположительно, это произошло из-за того, что изначально в слове производящая основа повторялась трижды, но более удобопроизносимым вариантом оказался тот, в котором слово начиналось с гласной. Причиной этому могла стать связь фонетического образа слова с его лексическим значением: удивление (большому количеству); скорбь. В обоих случаях междометие *у́ху-ху́* звучит выдох. Гласные для этого являются более удобным инструментом, т.к. для воздуха в ротовой полости нет шумообразующих преград.

Очень близким по строению и значению к междометию *у́ху-ху́* является лексема *ую-ю*, которая имеет одно словесное ударение (здесь разница в количестве ударений может

быть обусловлена долготой произнесения звука: регистрирующие лексему могли слышать её в тех ситуациях, когда последний звук [у] протягивается значительно дольше остальных). В данном случае вместо звука [х] разделителем между гласными является звук [j]. В связи с этим и при учёте того, что звуки [у] и [о] являются огубленными и потому созвучны, можно сравнить диалектное *ую-ю* с общерусским *оё-ё*.

Рассмотрим подробнее междометия с одиночным словесным ударением.

Междометие *авáва* также можно рассматривать как лексему, созданную посредством редупликации. Несмотря на отсутствие в говоре междометия *ва* или *ава*, в качестве значения диалектного *авáва* указывается общерусское *ай-ай*, соответственно возможно образование данного диалектизма при помощи редупликации с последующей утратой производящего слова в говоре. То же можно сказать о междометии *а-ля-ля́*, принимая во внимание, что в некоторых южнорусских говорах бытует междометие *ля* со значением удивления, что совпадает с одним из значений рассматриваемого слова. Однако вопрос о связи междометий *а-ля-ля́* и *ля* является спорным, т.к. последнее является производным от междометия *гля* (в значении ‘удивление’), источником которого в свою очередь является глагол *глянь* (призыв посмотреть на что-либо, вызывающее удивление). *Ля* в говорах сохраняет сему ‘глядеть’, которая даже при отсутствии в словарной статье подразумевается из-за тесной связи междометий *ля* и *гля*, а соответственно очень близка к группе междометий волеизъявления. Данное утверждение основывается на информации, полученной при общении с носителями южного диалекта в возрасте 20–43 лет.

Образованными при помощи редупликации являются и междометия *у-тию-тию*, которое образовано от бытующего в говоре *тию* с теми же значениями (‘удивление’/‘восторг’/‘неодобрение’), но менее экспрессивного. Лексема *тию*, произошедшая, вероятно, от общерусского *тьфу*, при редупликации получает значение, отличное от повторяющегося *тьфу* (чаще всего, трижды). Так, если первое, как было указано, имеет значения ‘удивление’/‘восторг’/‘неодобрение’ и употребляется в качестве эмоционального междометия (производящая основа может редуплицироваться неограниченное количество раз), то последняя используется как ритуальные слова при желании обезопасить себя или кого-либо от сглаза (в суеверии) и повторяется трижды, что отсылает к фольклорным символам. Как эмоциональное междометие *тьфу* используется однократно или повторяясь, но в качестве отдельных слов, а не единого целого, например: «Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах я, дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием-чином... Тьфу! Тьфу! Тьфу! (Уходит.) А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся (1849)» [6, с. 90].

Интерес представляет междометие *áttata*, поскольку помимо редупликации части основы происходит удвоение звука [т]. Это также можно объяснить увеличением экспрессивности междометия и в данном случае, как следствие, частичным изменением значения. Если междометие *áta* толкуется словарём как ‘неужели’ (лёгкая степень удивления), то *áttata* — как ‘ахти’ (восхищание более высокой степени удивления).

Иногда в общерусском языке встречается суффиксальный способ словообразования междометий: *ой-ёй-ёюшки* (уменьшительно-ласкательный суффикс *-юшк-*). Однако в целом такой способ словообразования для междометий не свойственен и встречается в основном среди тех лексем, которые используются в сочетании с темой «дети»: *агушеньки*, *гулюшки* и т. п. При этом, данные междометия относятся к группе звукоподражаний.

Вторую группу отобранный лексики составили слова, образованные при помощи суффиксального способа от общерусских или диалектных слов. В частности, её представляют следующие лексемы: *айллюшенька* ‘горе’, *áханьки*, *áички* ‘удивление’, *аяинька*, *аяичка* ‘удивление’/‘горе’ (при наличии в говорах соседней области межд. *ай* ‘удивление’/‘укоризна’ и т. п.) *ёченьки* ‘изумление, испуг, огорчение и т. п.’, *охохони*,

охоХóюшки ‘сокрушение’, *óшиеньки* ‘ох’, *úхоньки* ‘удивление’, *éхоньки* ‘сожаление, лёгкое неудовольствие’.

Первое, что можно отметить: междометия, образованные суффиксальным путём, преимущественно заканчиваются на -и, в редких случаях на -а. Это в совокупности с суффиксами, участвующими в образовании существительных женского рода, создаёт образ субстантива во множественном (или единственном числе), однако таковыми данные лексемы мы считать не можем ввиду их неизменяемого характера и использования в качестве восклицаний.

Чаще всего при суффиксальном словообразовании среди междометий используются суффиксы -оньк- и -енък- с общим для них значением ‘формообразовательная единица, образующая 1) имена существительные мужского, женского и общего рода с ласкательным значением (березонька, дяденька, доченька, лисонька, подруженька, Сереженька и т. п.)’ [1]. Так, в значении лексем *авохтиньки*, *айньки*, *аяинька*, *аханьки*, *ухоньки*, *эхтеньки*, *ёченьки*, *ошиньки* характер эмоции смягчается в связи с использованием суффиксов, значение которых содержит сему ‘ласкательный’. Необходимость смягчения выражаемой эмоции в основном объясняется характером самой эмоции: переживать горе, испуг, огорчение неприятно. В случае, когда положительна (восхищение), необходимость её смягчения можно объяснить при помощи ситуации общения: чтобы не напугать, не огорчить резким возгласом, его смягчают.

В лексеме *аýичка* также использован уменьшительно-ласкательный суффикс -ечк- со значением ‘Формообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном женского рода с уменьшительно-ласкательным значением (дощечка)’ [1, URL], в связи с чем семантика междометия смягчается, по аналогии с описанными выше междометиями.

Междометия, содержащие суффиксы, могут быть образованы при помощи усечения: *охоХóни*, *охоХóюшки*. В общерусском языке бытует междометие *охоХóнюшки* [8, стлб. 1769], содержащее суффиксы -н- и -юшк- со значением ‘имена существительные женского рода, в том числе и мотивированные словами мужского рода с уменьшительно-ласкательным или с уменьшительно-уничижительным значением’ [1, URL] и имеющее в связи с этим сему ‘смягчение’. В говорах общерусское *охоХóниюшки* преобразовалось в *охоХóни* и *охоХóюшки*, сохранив при этом составляющую значения ‘смягчение’ в обоих случаях.

Таким образом, весь отобранный материал был разделён на две группы: диалектные междометия, образованные при помощи редупликации и диалектные междометия, образованные при помощи суффиксации. В ходе анализа их структуры и семантики был сделан вывод о том, что основными приёмами ‘удлинения’ диалектных междометий являются редупликация и суффиксальный способ словообразования. При редупликации экспрессивность междометий усиливается, тогда как при добавлении суффикса изменяется эмоциональная оценочность слова. Так происходит из-за наличия сем ‘уменьшение’ или ‘смягчение’ в большей части суффиксов, используемых для образования междометий. Эти выводы могут послужить дальнейшему изучению междометий не только в диалектах, но и в общерусском языке, а также в других языках мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. — Текст: электронный // Slovar.cc: [сайт]. — 2000. — URL: <https://slovar.cc/rus/efremova.html>
2. Жмурев, В.А. Большой толковый словарь терминов психиатрии / В. А. Жмурев. — Элиста : Джангар, 2010. — 863 с. — Текст: электронный // Библиотека клиники | Клиника «Психическое здоровье» [сайт] : — 2010. — URL: <https://psyclinic-center.ru/biblioteka-kliniki/tolk-slovar-terminov-psikhiatrii/emer-empa> (дата обращения: 28.02.2025)
3. Кравцова, А.В. Функционирование и роль китайских междометий на материале фильма “老师好” / А.В. Кравцова, А.А. Россонанская // Границы познания. — 2021. — № 3(74). — С. 47-51.

4. Кручинина, И.Н. Междометия / И.Н. Кручинина // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
5. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. — 562 с.
6. Островский, А.Н. Свои люди — сочтемся! : Ориг. комедия в 4 д. / А.Н. Островский. — Москва : Унив. тип., 1850. — 104 с.
7. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М.: Просвещение, 1985. — С. 273
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Гл. ред.: В.И. Чернышев, С.П. Обнорский, В.В. Виноградов и др. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948 — 1965.
9. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. / А.Н. Тихонов // Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство ACT», 2003. Т. 1. 860 с.
10. Холодионова, С.И. Междометие как языковая единица: особенности классификации / С.И. Холодионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №3-2 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdometie-kak-yazykovaya-edinitsa-osobennosti-klassifikatsii> (дата обращения: 28.02.2025).

Поступила в редакцию 20.09.2025 г.

V. A. Yakovleva

THE PHENOMENON OF «LENGTHENING» OF EMOTIONAL INTERJECTIONS IN RUSSIAN DIALECTS

The article substantiates the reasons for the formation of longer versions with altered shades of meaning from short interjections in relation to the sound composition. This process contradicts the purpose of emotional interjections — a quick reaction to what is happening. The reasons for the phenomenon are substantiated by finding a connection between the morphemic composition of interjections and changes in their meanings, as well as shades of meanings. The result is to identify the principles of varying the values of emotional interjections during reduplication of the generating base and during suffixation. In addition, the most frequently used category of suffixes for the formation of interjections has been established: diminutive-affectionate. The vocabulary selected from dialect dictionaries of Russian dialects served as the material for the study.

Key words: *dialecticism, intonation, interjection, expressiveness, emotionality.*

Яковлева Валерия Александровна.

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, РФ.

Студент.

E-mail: yava610@mail.ru

Yakovleva Valeria Alexandrovna.

FSBEI of HE «Volgograd State Social and Pedagogical University», Volgograd, RF. Student.

E-mail: yava610@mail.ru

Кузнецова Елена Валентиновна.

Кандидат филологических наук.

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, РФ.

Доцент кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

E-mail: kev7-78@mail.ru

Kuznetsova Elena Valentinovna.

Candidate of Philology.

FSBEI of HE «Volgograd State Social and Pedagogical University», Volgograd, RF. Associate Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching it at the FSBEI of HE «VSSPU».

E-mail: kev7-78@mail.ru

Словообразование и грамматика

УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.18037697

B. A. Рязанова ©2025

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

ПРОБЛЕМА СКЛОНЯЕМОСТИ ИНИЦИАЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ¹

Статья посвящена анализу склоняемости инициальных аббревиатур мужского рода в современных электронных текстах. На основе квантитативного анализа проводится оценка общей тенденции к их грамматической адаптации и допустимости их склонения. В частности, проведена квантитативная верификация склоняемости аббревиатур МИД, МРОТ, ВИЧ, СПИД, БТР, ПВР, которые в нормативных словарях фиксируются как склоняемые, несклоняемые или вариативно склоняемые лексемы. Распространённость склоняемых вариантов в нейтральных контекстах свидетельствует об утрате ими стилистической маркированности, имеющей место в прошлые десятилетия, а также о назревающем расхождении между реальным узусом и актуальными лексикографическими рекомендациями.

Ключевые слова: инициальная аббревиатура, звуковая аббревиатура, буквенная аббревиатура, склоняемость, нормативность, квантитативный анализ.

Введение. Лексическая аббревиатура является продуктивным способом пополнения словарного состава современного русского языка. Широкое употребление алфавитизмов и акронимов привело к постепенному усвоению этого словообразовательного процесса среди носителей языка. В последние десятилетия распространяется тенденция к лексикализации аббревиатур, которая сопровождается их грамматическими трансформациями. В частности, отмечается регулярное появление склоняемых форм аббревиатур в текстах различных функциональных стилей.

Как показали исследования Д. И. Алексеева, в XX веке склоняемые формы аббревиатур использовались исключительно с pragматическими целями: для передачи негативной оценки называемого аббревиатурой денотата, для выражения пренебрежения, фамильярности и т. д., однако в настоящее время наблюдается процесс утраты этой стилистической дифференциации. Многие аббревиатуры, ранее считавшиеся строго несклоняемыми или обладавшие факультативной склоняемостью с негативными коннотациями, сегодня активно осваиваются носителями языка и употребляются в косвенных падежах в нейтральных контекстах.

По замечанию Л. К Граудиной, аббревиатуры являются наиболее противоречивым разрядом неологизмов в русском литературном языке, а среди самих аббревиатур «наибольшие колебания испытывают употребительные аббревиатуры с опорным словом муж. р. и те немногие аббревиатуры, которые практически приняли форму мужского рода (типа ВАК, МИД, МОСХ, ТАСС). Большинство аббревиатур этого типа изменяются по падежам в разговорной речи и часто не склоняются в письменной» [3, с. 163].

Колебания в склонении аббревиатур отмечаются исследователями и на современном этапе: «вариантность свойственна тем аббревиатурам, которые не имеют морфонологических ограничений для включения в парадигму склонения.

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка ХХ-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКР 124051400024-1)

Морфонологические запреты снимаются с приобретением аббревиатурами на согласный самостоятельный грамматического рода — без опоры на род стержневого слова. Пока слово *НЭП* было женского рода (20-е годы), оно было несклоняемым. С закреплением мужского рода становится характерной и склоняемостью» [2, с. 166].

Т. С. Куркина говорит о неполноте падежной парадигмы, часто отмечаемой для аббревиатур с вариативным склонением: «частично изменяются по падежам такие образования, как УБЭП (*ОБЭП*), <...> МКАД. <...> Эти существительные в письменных СМИ употребляются как несклоняемые, в устной речи дикторов, их собеседников как склоняемые. Но набор падежных форм ограничен — чаще всего это форма предложного падежа» [4, с. 6].

Актуальность представленного исследования обусловлена необходимостью пересмотра и уточнения существующих грамматических характеристик аббревиатур на основе анализа современного языкового материала в письменной форме.

Цель исследования — проанализировать современные тенденции склонения инициальных аббревиатур мужского рода в электронных текстах, размещенных в интернет-пространстве. В рамках исследования необходимо выполнить комплекс задач: установить формальные критерии склоняемости и несклоняемости аббревиатур, предписанные исследователями в прежние периоды активного использования аббревиатур; проанализировать функционирование и частотность использования падежных форм отдельных аббревиатур (*МИД*, *ВИЧ*, *МРОТ*, *ЖЭК* и др.) в современных текстах; определить, сохраняется ли в современном употреблении стилистические ограничения склоняемых форм, отмеченные Д. И. Алексеевым; выявить расхождения между нормативными рекомендациями и реальной речевой практикой.

Методы исследования. Для изучения функционирования аббревиатур в современном русском языке применяется метод контекстуального анализа; для выявления различий в употреблении склоняемых и несклоняемых форм аббревиатур использованы сравнительно-сопоставительный метод и квантитативный анализ.

Материал исследования составили звуковые и буквенные аббревиатуры мужского рода, зафиксированные в «Орфографическом словаре русского языка как государственного языка Российской Федерации» (разработчик — Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, 2025 г.). Данный лексикографический источник включает наиболее распространённые во всех функциональных сферах инициальные аббревиатуры, а также содержит наиболее актуальные данные об их грамматических характеристиках. Для исследования также были использованы примеры употребления аббревиатур, извлечённые из текстов современных российских сетевых СМИ, публицистических статей и новостных порталов (таких как «*Известия*», «*БИЗНЕС Online*», «*Ведомости*», «*Новый Калининград.Ru*» и др.), форумов и социальных сетей.

1. В научной литературе вопрос функционирования аббревиатур, в частности их склоняемости, детально рассмотрен в трудах Д. И. Алексеева. Исследователь охарактеризовал динамику возможностей склонения аббревиатур разных структурных типов с начала XX в. по 1960–1970-м гг. в [1]. Д. И. Алексеев отмечает, что отношение пользователей языка к склоняемым формам аббревиатур в изучаемый период неоднократно менялось. За прошедшее с момента публикации монографии время процесс аббревиации прочно вошёл систему русского языка в качестве продуктивного способа словообразования, а сами аббревиатуры перестали восприниматься как образования, лишённые эстетики и целесообразности.

Ключевым вкладом Д. И. Алексеева стало введение понятия факультативной склоняемости, отражающего ситуацию параллельного употребления одной и той же аббревиатуры в изменяемой и неизменяемой форме. Эта вариативность, по мнению

исследователя, была обусловлена как отсутствием устоявшейся нормы, так и прагматическими факторами, например, использованием склоняемой формы для передачи негативной коннотации. Так аббревиатуры *МИД*, *АНЗЮС*, *ЖЭК* в нейтральном значении используются в неизменяемой форме, в то время как склонение привносит оттенок негативного отношения, интимности, фамильярности и пр. [1, с. 298–299]. Особенно «чувствительными» к склонению оказались аббревиатуры, называющие учреждения, госструктур и организации.

За несколько десятилетий языковая ситуация претерпела значительные изменения: аббревиатуры, которые ранее склонялись для достижения определённых прагматических целей, в настоящее время освоены носителями языка и используются в косвенных формах без коннотативных маркировок.

В современном русском языке склоняемость аббревиатур зависит от их фонетического облика, родовой характеристики и степени вхождения в широкий узус. Ключевым индикатором адаптации аббревиатуры является её частотное употребление во всех возможных падежных формах без каких-либо коннотативных различий. Проанализировав актуальные тенденции в использовании аббревиатур на письме, составители «Словаря аббревиатур государственного языка Российской Федерации» относят к склоняемым следующие типы аббревиатур:

- звуковые аббревиатуры мужского рода, оканчивающиеся на согласный, а также лексикализованные аббревиатуры изначально женского или среднего рода, которые прочно вошли в узус как нарицательные имена мужского рода: *настройка ДУАСа*; *период НЭПа* (хотя стержневое слово *политика* ж.р.);

- буквенные аббревиатуры мужского рода в случаях, когда они заканчиваются на согласный звук, гласный призвук которого, в соответствии с официальным алфавитным наименованием, находится в препозиции: *БТР* [бэ-тэ-эр] — *укомплектовка БТРа*.

Последние две группы аббревиатур являются наиболее дискуссионными в вопросе нормативности их склоняемости. Наличие множества текстов, в которых используются косвенные формы аббревиатур, может свидетельствовать об их глобальном усвоении носителями языка, что, в свою очередь, снимает вопрос об уместности склонения сокращений.

2. Экспериментальная лаборатория исследования тенденций аббревиации при разработке синхронно-эквивалентного подхода к изучению аббревиатур сформировала методики работы с эквивалентностными текстами, доступными через информационно-поисковые системы [5].

В то время как диахронный подход сосредоточен на установлении деривационных связей между словообразовательными единицами, на синхронном уровне невозможно определить исторически верные деривационные отношения между словом и его текстовым эквивалентом, назвать первичной конкретную языковую единицу. На синхронном срезе языка сложносокращённым является не слово, образованное в результате на основе словосочетания (так аббревиатура трактуется при диахронном подходе), а слово, имеющее синтаксические эквиваленты — словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы аббревиатуры в текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимаемые носителями языка как её эквиваленты. В связи с этим наличие эквивалентностных текстов и их наличие играет ключевую роль в установлении мотивационных связей между единицами словообразования.

Методология отбора словообразовательных единиц для «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» предусматривает установление минимального порога частотности, составляющий 500 включений, выявленных посредством оператора точного поиска (Google, Yandex и др.) для всех предложно-падежных форм отобранный единицы. Как показал анализ эквивалентных текстов, такое

количество употреблений свидетельствует о том, что слово и словосочетание становятся употребительными в текстах различных стилистических типов (например, в текстах научного и разговорного типа), то есть переходит из узкоспециального в общеупотребительный разряд.

Квантитативные методики, разработанные для синхронно-эквивалентностного подхода, могут быть применены для оценки склоняемости инициальных аббревиатур.

3. Из словаря «Орфографического словаря русского языка как государственного языка Российской Федерации» были отобраны инициальные аббревиатуры, относимые к категории дискуссионных, с целью анализа использования их косвенных форм в электронных текстах. Среди них — буквенные и звуковые аббревиатуры, трактуемые составителями как склоняемые, несклоняемые и вариативно склоняемые:

бэтээр, -а и БТР, нескл., м. (сокр.: бронетранспортёр);
ВИЧ, нескл., м. (сокр.: вирус иммунодефицита человека);
МИД, -а и нескл., м. (сокр.: министерство иностранных дел);
МРОТ, нескл., м. (сокр.: минимальный размер оплаты труда);
ПВР, нескл., м. и пэвээр, -а (сокр.: пункт временного размещения);
СПИД, -а (сокр.: синдром приобретенного иммунодефицита).

Аббревиатура *МИД* фиксируется в «Орфографическом словаре русского языка как государственного языка Российской Федерации» с вариативной склоняемостью. В интернет-текстах часто отмечается закономерность в использовании несклоняемой и склоняемой формы этого сокращения:

(1) *В МИДе заявили о невозможности создать новую универсальную всемирную организацию — Об этом 19 мая заявил директор департамента международных организаций МИД РФ Кирилл Логвинов* (Сетевое издание iz.ru. Режим доступа: iz.ru/1888530/2025-05-19; дата обращения: 19.05.2025). (2) *В МИДе попросили россиян воздержаться от поездок на Ближний Восток — В МИД РФ рекомендовали россиянам отказаться от посещения Ближнего Востока в связи с напряженной обстановкой в регионе* (Газета «БИЗНЕС Online». Режим доступа: m.business-gazeta.ru/news/629535; дата обращения: 19.05.2025).

В склоняемой и несклоняемой формах проявляется разная степень усвоения аббревиатуры, при котором одновременно происходит процесс лексикализации и апеллятивации. *МИД* в склоняемой форме воспринимается как родовое наименование для ряда учреждений или организаций (подобно аббревиатуре *вуз*). Несклоняемая комплексная аббревиатура *МИД РФ*, в свою очередь, функционирует в качестве эргонима. Отсутствие косвенных склоняемых форм сокращения *МИД РФ* подчёркивает его онимный, единичный статус. При этом утрачивается стилистическая дифференциация форм, что отчётливо прослеживается в примере (2). Заголовок «*В МИДе попросили <...>*» практически дублируется с небольшими дополнениями в первом предложении публикации (*«В МИД РФ рекомендовали <...>»*). В представленных контекстах склоняемая и несклоняемая аббревиатуры обозначают один и тот же денотат без стилистических или коннотативных различий. Склоняемая форма *МИДе* насчитывает в электронных текстах 412 000 включений, *МИДу* — 180 000 включений. Начальная форма *МИД* при этом встречается около 17 000 000 раз, что приблизительно в 40 раз чаще, чем косвенная форма в предложном падеже.

К несклоняемому акрониму мужского рода относится аббревиатура *ВИЧ*. Употребление косвенных форм аббревиатуры встречается крайне редко и фигурирует в разговорной письменной речи (на форумах, в обсуждениях). Ср. заголовок статьи «*Остерегайтесь ВИЧа каждый день!*» и предложения из текста статьи, в которых аббревиатура используется в несклоняемом виде: *Сегодня мало кто не слышал о ВИЧ и СПИДЕ; Можно заразиться ВИЧ при многократном использовании игл и шприцев*

(Рыбницкая городская и районная массовая общественно-политическая газета «Новости». Режим доступа: <http://tnovosti.info/novosti/2021/11/osteregajtes-vicha-kazhdyy-den-za-zhizn-i-za-zdorove-vy-v-otvete/>; дата обращения: 20.09.2025). Одновременно с этим аббревиатура *СПИД* с теми же формальными конфигурациями, которая часто фигурирует в одних текстах с аббревиатурой *ВИЧ*, поскольку они называют взаимообусловленные понятия, является в современном русском языке склоняемой аббревиатурой. В поисковых системах с помощью оператора точного поиска обнаруживается 9 120 000 включений *ВИЧ* в начальной форме, 65 300 включений формы *ВИЧем** (склоняемые формы используются приблизительно в 140 раз реже, чем начальная) против 6 150 000 включений начальной формы *СПИД* и 927 000 включений формы *СПИДом* (соотношение составляет 6:1 употреблений).

Объяснить традицию усвоения несклоняемой формы аббревиатуры *ВИЧ* можно тем, что данная аббревиатура часто связывается в текстах со словом *инфекция*, что вызывает контаминацию родовых характеристик. В электронных текстах сложное образование *ВИЧ-инфекция* встречается часто, например, несколько раз используется в приведённой выше статье: *ВИЧ-инфекция может передаваться через зараженную кровь, оставшуюся на нестерильных инструментах для нанесения татуировок, пирсинга и тому подобных процедур; Сама процедура не занимает много времени, а раннее определение ВИЧ-инфекции и вовремя полученная необходимая медицинская помощь — залог качественной жизни вас и ваших близких.*

Аббревиатура *МРОТ* в нормативных словарях фиксируется как несклоняемая, и это подтверждается текстуально: *МРОТ* в начальной форме в интернет-текстах фиксируется 2 440 000 раз, форма *МРОТа* — 28 000 раз, *МРОТом* — 3990 раз; начальная форма используется не менее чем в 80 раз чаще, чем склоняемые.

При этом аббревиатура проявляет признаки потенциально склоняемой: косвенные падежные формы встречаются в текстах публицистических источников в нейтральном значении: (1) *В Брянской области ожидается существенное повышение МРОТа* (Общественная городская газета «Брянская улица». Режим доступа: <https://bryansku.ru/2025/09/30/v-bryanskoy-oblasti-ozhidaetsya-suschestvennoe-povyshenie-mrota/>; дата обращения: 20.09.2025). (2) *Как индексация МРОТа повлияет на зарплаты в экономике — В прошлом году Минтруд изменил методику установления МРОТа — теперь он должен составить 48% от медианной зарплаты — Вслед за МРОТом будет расти и прожиточный минимум, уверен политолог Павел Склянчук* (Сетевое издание «Ведомости».

Режим доступа:
<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/07/22/1125946-kak-indeksatsiya-mrota-povliyaet-na-zarplati-v-ekonomike>; дата обращения: 20.09.2025).

В «Орфографическом словаре русского языка как государственного языка Российской Федерации» отмечаются буквенные аббревиатуры мужского рода с вариативным склонением: в стандартной письменной форме аббревиатуры *БТР* и *ПВР* фиксируются как несклоняемые, в то время как «разговорные» лексикализованные формы *бэтээр* и *пэээр*, утратившие на графическом уровне признаки аббревиатуры, подаются как склоняемые. Однако в интернет-СМИ обнаруживается большое количество случаев использования косвенных форм рассматриваемых аббревиатур в стандартном инициальном написании. При этом наблюдается две ситуации: в одних контекстах склоняемые формы используются не систематически; в других случаях склоняемые формы используются авторами текстов во всех случаях. Например:

(1) *В Германии представили новую версию БТР Boxer — Сообщается, что данная версия БТРа создана по заказу одной из стран Ближнего Востока* (Информационное агентство «ANNA NEWS». Режим доступа: <https://anna-news.info/v-germanii-predstavili-novuyu-versiyu-btr-boxer/>; дата обращения: 10.10.2025). (2) *В ДНР водитель БТР*

в одиночку сумел прорваться сквозь линию обороны ВСУ и помог высадиться десанту — Минобороны рассказало о подвиге водителя БТРа при освобождении села Урожайное в Донецкой народной республике (Сайт Первого канала. Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2024-08-08/482701-v_dnr_voditel_btr_v_odinochku_sumel_prorvatsya_skvoz_liniyu_oborony_vsu_i_pomog_vy_saditsya_desantu; дата обращения: 10.10.2025). (3) Минобороны: Военные ВС РФ уничтожили украинские БТР, БМП и радиолокационные станции — Расчет ПТРК «Корнет» нанес удар по вражескому БТРу (Сервис «Рамблер/новости». Режим доступа: <https://news.rambler.ru/army/50503638-minoborony-voennye-vs-rf-unichtozhili-ukrainskie-btr-bmp-i-radiolokatsionnye-stantsii/>; дата обращения: 11.10.2025). (4) В Адыгее после атаки дрона в ПВРе находятся 80 жителей поселка Родникового — В пункте временного размещения (ПВР) в адыгейской станице Ханской расположили около 80 человек (Сетевое издание Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/strana/southern/news/2024/10/10/1067820-adigee-posle-ataki>; дата обращения: 11.10.2025). (5) 45 судеб — одна надежда: в ясиноватском ПВР доказывают, что война не «расчеловечивает» — Изголодавшиеся, без вещей, а многие и без документов, отыкшие от чистой одежды и сна в относительной тишине на чистых простынях и мягких подушках, они первые дни бывают оглушенены и наступившей вдруг тишиной, и добрым отношением, и постоянным желанием всех без исключения сотрудников ПВРа накормить (Сетевое издание «Донецкое время». Режим доступа: <https://dontimes.ru/45-sudeb-odna-nadezhda-v-yasinovatskom-pvr-dokazyvayut-chto-vojna-ne-raschelovechivaet/>; дата обращения: 10.10.2025).

(1) В БТРе, который разрабатывается в «ВПК», электромоторы спрятаны в хорошо защищенном корпусе, вращательное движение на колеса передается при помощи прочного стального кардана — Наряду с новейшими бронемашинами проекта «Бумеранг» специалисты «ВПК», оказывается, работают над БТРом с гибридной силовой установкой (Сетевое издание «Elec.ru». Режим доступа: <https://www.elec.ru/news/2016/07/13/v-rossii-ispytan-btr-na-elektricheskem-hodu.html>; дата обращения: 11.10.2025). (2) Воронежцев озадачили БТРы, едущие через поля на юге области — Воронежцев озадачило и даже обеспокоило появление БТРов на полях на юге области (Сетевое издание «Воронежские новости». Режим доступа: https://voronezhnews.ru/fn_776189.html; дата обращения: 11.10.2025). (3) Что увидели зарубежные журналисты в шахтинском ПВРе для беженцев? — В этом ПВРе сейчас живут 310 человек, а всего с февраля здесь приняли большие полтора тысяч беженцев (Информационное агентство «ДОН 24». Режим доступа: <https://don24.ru/rubric/obschestvo/prozhivanie-pitanie-i-vse-vse-horosho-chto-uvideli-zarubezhnye-zhurnalisty-v-shahtinskem-pvre-dlya-bezhencev.html>; дата обращения: 10.10.2025). (4) За сутки на Дону развернули еще четыре ПВРа для беженцев — В Ростовской области стало на четыре ПВРа больше всего за сутки (Сайт телерадиокомпании «Дон-ТР». Режим доступа: <https://dontr.ru/novosti/za-sutki-na-donu-razvernuli-eshhe-chetyre-pvra-dlya-bezhentsev/>; дата обращения: 11.10.2025).

Во всех случаях склоняемые формы анализируемых аббревиатур используются для их грамматического встраивания в структуру предложения и не передают какие-либо добавочные коннотативные значения. Квантитативный анализ свидетельствует, что склоняемые формы этих аббревиатур в совокупности используются примерно в 30-40 раз реже, чем начальные формы (ср.: БТР — 2 500 000 вкл., БТРа — 58 000 вкл., БТРе — 26 000 вкл.; ПВР — 626 000 вкл., ПВРа — 11 400 вкл., ПВРе — 7 000 вкл.), занимая срединное положение между показателями абсолютно несклоняемой аббревиатуры ВИЧ и склоняемой аббревиатуры СПИД. Таким образом, можно говорить о потенциальном вхождении склоняемых форм алфавитизмов БТР и ПВР в языковую систему.

Выводы. Наличие большого количества разностилевых электронных текстов (и в первую очередь — официальных и публицистических), в которых косвенные падежи аббревиатур последовательно используются в нейтральном значении, доказывает, что склоняемость перестала быть исключительно средством выражения негативной коннотации или фамильярности, как это отмечалось в XX веке.

Проведённый анализ современных электронных текстов подтверждает общую тенденцию к закреплению склоняемых форм у инициальных (в том числе буквенных) аббревиатур мужского рода, оканчивающихся на согласный. Эта тенденция находит своё отражение в реальной речевой практике, что свидетельствует об активном процессе лексикализации и грамматической адаптации инициальных аббревиатур в системе русского языка. Квантиitatивный анализ употребления падежных форм аббревиатур в крупных массивах текстов позволяет не только констатировать факт склоняемости, но и измерить её степень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Д.И. Сокращенные слова в русском языке. — Изд-во Сарат. ун-та, 1979. — 328 с.
2. Астен, Т.Б. Падежная вариантность в системе и в тексте / Т.Б. Астен, В.И. Демченко, И.В. Павлютенкова // Научная мысль Кавказа. — 2010. — № 1(61). — С. 164-168. — EDN МЕНИВ.
3. Вопросы нормализации русского языка: грамматика и варианты / Л. К. Граудина. — Москва: Наука, 1980. — 286 с.
4. Куркина, Т.С. Сложносокращенные слова в словообразовательной и грамматической системах русского языка / Т.С. Куркина // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 2. — С. 6. — EDN QCJBZB.
5. Теркулов, В.И. Текст как показатель аббревиатурной эквивалентности / В.И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс. — 2018. — № 16. — С. 34-41. — EDN YWOVSX.

Поступила в редакцию 27.08.2025 г.

V.A. Ryazanova

THE PROBLEM OF DECLINABILITY OF INITIALISMS: CURRENT STATE

The article analyzes the declinability of masculine initialisms in modern electronic texts. Based on a quantitative analysis, an assessment is made of the general trend towards their grammatical adaptation and the acceptability of their declension. In particular, a quantitative verification of the declinability of the initialisms *MID* (*Ministry of Foreign Affairs*), *MROT* (*subsistence minimum*), *VICH* (*HIV*), *SPID* (*AIDS*), *BTR* (*armored personnel carrier*), and *PVR* (*field deployment point*) is carried out. These are registered in normative dictionaries as declinable, indeclinable, and variably declinable lexemes. The prevalence of declinable variants in neutral contexts indicates the loss of their stylistic markedness, which was present in past decades, and points to a growing discrepancy between actual usage and current lexicographic recommendations.

Keywords: *initialism, acronym, alphabetic abbreviation, declinability, normative usage, quantitative analysis.*

Рязанова Валерия Александровна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.

Доцент кафедры русского языка;
старший научный сотрудник.

E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru

Ryazanova Valeriya Aleksandrovna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Associate Professor at Department of the Russian
Language.

E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru

Методика преподавания русского языка

УДК 378:147

DOI: 10.5281/zenodo.18038266

K. E. Агафонова © 2025

Автономная некоммерческая организация

Центр продвижения русского языка и культуры «Институт Русистики»

Херсонский государственный педагогический университет

ЛИНГВОКОГНИТИВИСТИКА В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ: ПОНЯТИЕ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАМЁКОВ)

В статье рассматриваются основные понятия и постулаты современной лингвокогнитивистики: метасмысл, имплицитность, предтекстовая и послетекстовая программа, гипертекстуальность, концепция ассоциативных полей. Также в статье рассмотрены приёмы изучения на занятиях по РКИ метасмысла — элементов смысла, которые не выражены явно, но подразумеваются в текстах. Настоящее исследование посвящено рассмотрению намёков на занятиях по РКИ и примеров заданий на их выявление и интерпретацию скрытых смыслов иностранными студентами. Освоение данных представлений имеет принципиальное значение для разработки учебных материалов, направленных на формирование у обучающихся умений осознавать и использовать фигуры непрямой коммуникации, содержащие метасмысл, как в устной, так и в письменной речи. В статье представлены методические решения, ориентированные на иностранных студентов, владеющих русским языком на уровне от A2 до B2.

Ключевые слова: лингвокогнитивистика, метасмысл, имплицитность, намёки, предтекстовая и послетекстовая программа, гипертекстуальность, трехуровневая модель обучения, методика преподавания РКИ.

Одним из актуальных направлений современной русистики является лингвокогнитивистика — междисциплинарная область научного знания, объединяющая элементы психолингвистики, нейролингвистики, прагмалингвистики и философии языка. Данное направление фокусируется на исследовании когнитивной обработки текстов и их интерпретации адресатом.

Важную роль в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) играет психолингвистическая теория Е. Ф. Тарасова [2, с. 20]. Согласно его концепции, успешное речевое взаимодействие возможно при наличии у коммуникантов общих знаний о мире и развитых языковых компетенций. Например, обсуждение специфических культурных объектов, таких как монгольская юрта, требует дополнительного пояснительного контекста, либо в виде опыта носителей языка, либо в форме справочного материала. Подобные трудности могут возникнуть и при столкновении с различиями в правилах этикета, традиционных блюдах и других аспектах культуры.

Языковое сознание индивида формируется на основе образов, характерных для его культуры, что является важным фактором межкультурной коммуникации. Согласно Е. Ф. Тарасову, данная общность включает как знания о мире, так и соответствующие языковые компетенции. Он рассматривает язык не как сознание само по себе, а как способ его презентации во внешней форме. Коммуникация между людьми осуществляется на основе общих психических образов, а различия в ассоциативных полях носителей разных языков могут затруднять понимание.

Концепция ассоциативных полей играет значительную роль в данной теории. У носителей разных языков и культур ассоциативные связи одного и того же слова могут существенно различаться. Данный феномен нашел отражение, например, в учебнике-словаре «Мир диких зверей и домашних животных» [1], где демонстрируются

характерные ассоциации русскоязычных носителей на слово «медведь»: бурый, косолапый, белый, большой, лес, малина, толстый, берлога, неуклюжий, сильный, страшный. Очевидно, что ассоциативные ряды носителей русского и иностранных языков могут существенно расходиться. Например, со словом «медведь» в китайской аудитории, в первую очередь ассоциируется панда.

Е. Ф. Тарасов также отмечает, что когнитивная психолингвистика стремится преодолеть лингвистический редукционизм, который сводит объект исследования к анализу речевых текстов без учета условий их производства и восприятия, а также вне контекста коммуникативного взаимодействия. В рамках психолингвистики выделяются четыре ключевые проблемы: производство речи (механизмы порождения высказываний), восприятие речи (процессы понимания высказываний), речевое общение (интерактивный аспект коммуникации) и онтогенез языка (формирование речевых навыков у детей).

Теория ассоциативных полей, разработанная Е. Ф. Тарасовым и В. В. Дроновым, успешно применяется в преподавании русского языка иностранным учащимся. Ассоциативные связи формируют глубинную семантическую сеть, в которой каждое слово связано с множеством других. Данная теория объясняет феномен понимания носителями языка друг друга «с полуслова». Для изучающих РКИ знание характерных ассоциативных связей является важным инструментом адаптации к языковой среде и эффективного освоения языковых норм.

Исследования психолингвистов и специалистов в области преподавания русского языка как иностранного убедительно подтверждают, что успешное овладение иностранным языком возможно лишь при условии формирования в языковом сознании и подсознании обучающихся способности воспринимать не только явную, но и имплицитную информацию. Это включает в себя понимание метасмысла — скрытых значений, не выраженных напрямую, но подразумеваемых в устных и письменных текстах [4].

Один из ключевых аспектов проникновения в языковое сознание связан с анализом функций метасмысла, который особенно проявляется в фигурах непрямой коммуникации. Примерно 40 % информации в тексте может быть зашифровано в глубинных структурах посредством таких языковых явлений, как метафоры, ирония, эвфемизмы, умолчания, намёки и др. [3, с. 3].

В последние годы изучение феномена имплицитности занимает центральное место в психолингвистике. Это направление можно отнести к лингвокогнитивистике, поскольку оно сосредоточено на когнитивных процессах, участвующих в порождении и интерпретации речи. Категория имплицитности является фундаментальной для данной области, так как она позволяет исследовать механизмы понимания текстов, значительная часть информации в которых не выражена вербально, а подразумевается. Считается, что в языковом сознании и подсознании индивидов существуют когнитивные механизмы, обеспечивающие распознавание и интерпретацию глубинных смыслов. Эти механизмы развиваются внутри одной культуры, что способствует унификации понимания метасмысла среди ее носителей.

Одной из ключевых проблем, изучаемых в лингвокогнитивистике, является понимание механизмов интерпретации неисчислимого множества устных и письменных текстов, содержащих информацию, не выраженную эксплицитно. Очевидно, что взаимопонимание в речевом взаимодействии невозможно без способности интерпретировать метасмысл. В языковом сознании индивидов сформированы когнитивные структуры, позволяющие распознавать скрытые значения, которые обычно проявляются в таких явлениях, как метафоры, идиомы, ирония, мемы и другие формы непрямой коммуникации. Таким образом, изучение механизмов понимания

имплицитных смыслов представляет собой важное направление современной лингвокогнитивистики, способствующее углубленному анализу процессов речевого взаимодействия.

Еще одним из ключевых понятий лингвокогнитивистики являются **претекстовые и послетекстовые программы**, концептуализированные в работах Е. Ф. Тарасова. Эти программы обеспечивают когнитивные процессы, необходимые для формирования, восприятия и интерпретации текстов.

Претекстовая программа представляет собой глубинный когнитивный механизм, направленный на организацию мыслей средствами языка. В нее включены когнитивные схемы, регулирующие словесное воздействие на знания, поведение и эмоции человека. Эти механизмы реализуются через речевые стратегии доминирования, сотрудничества и противостояния. Кроме того, претекстовые программы формируют семантические поля, создавая синонимические и антонимические ряды. Например, понятие «богатство» ассоциируется с такими лексемами, как «материалные ценности», «деньги», «роскошь», «изобилие», а антонимический ряд, связанный с «нищетой», включает в себя «нужду», «бедность», «скучность» и т. д.

Послетеクстовая программа, в свою очередь, отвечает за когнитивную обработку поступающей извне информации, обеспечивая ее интерпретацию и осмысление. Однако возможны искажения смысла текстов, если участники коммуникации не обладают достаточными знаниями для их корректного восприятия. Особенно это актуально при столкновении с новой информацией или культурно обусловленными речевыми конструкциями.

Одним из значимых понятий в лингвокогнитивистике является **гипертекстуальность**, представляющая собой когнитивный механизм, направленный на создание текстов в соответствии с определенной тематикой. Гипертекст формируется посредством претекстовых программ, которые организуют разрозненные мысли в связное речевое высказывание. Эти программы играют центральную роль в процессе смыслообразования, начиная с предварительного замысла и заканчивая его языковым оформлением.

Претекстовые программы инициируют создание текстов, обеспечивая переход от хаотичных мыслительных процессов к логически структурированному высказыванию. В рамках теории имплицитности, объясняющей роль претекстовых программ, утверждается, что они регулируют процесс вербализации, трансформируя внутренние когнитивные структуры в доступные для понимания формы.

Исследования в области лингвокогнитивистики находят практическое применение в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ), в частности, при обучении пониманию имплицитных значений. В настоящем исследовании представлена трёхуровневая модель организации занятий по русскому языку как иностранному, направленная на формирование у обучающихся умений распознавать и интерпретировать фигуры непрямой коммуникации, а также овладевать их продуктивным использованием в речи.

На первом этапе — стадии ознакомления и опознания — осуществляется снятие лексических и страноведческих трудностей, сопровождающих восприятие текста, содержащего фигуру непрямой коммуникации. При необходимости преподаватель вводит лингвокультурный комментарий, поясняющий контекст употребления и особенности смысловой организации высказывания. Основная цель данной стадии заключается в том, чтобы обучить студентов распознавать фигуру непрямой коммуникации в тексте и осознавать её функционально-прагматическую роль в структуре высказывания.

На втором этапе — стадии интерпретации — внимание сосредотачивается на раскрытии метасмысла речевой фигуры, обсуждении обстоятельств общения, коммуникативных ролей участников и интенций говорящего. Особое значение придаётся анализу того, какие характеристики переносит метафора или иная фигура с объекта сравнения на предмет речи. Для интерпретации скрытых смыслов используются экспланаторные практики, направленные на выявление имплицитных значений текста. К основным методическим приёмам интерпретации относятся комментирование как способ выявления информации, находящейся в имплицитном состоянии, сценарно-фреймовый анализ, позволяющий реконструировать параметры ситуации общения, коммуникативные роли и цели участников, а также выбор речевых тактик, парафразирование, направленное на «выпрямление» скрытого смысла и его передачу своими словами, и упрощение, способствующее выделению основной идеи высказывания за счёт сокращения второстепенных компонентов. Эти приёмы развиваются у студентов навыки когнитивной и прагматической интерпретации текста, что является необходимым условием понимания метасмысла непрямой коммуникации.

На заключительном этапе — стадии вербализации — осуществляется переход от рецептивного к продуктивному уровню владения изучаемыми фигурами. На данном этапе создаются условно-речевые и речевые упражнения (в соответствии с классификацией А. Н. Щукина) [5, с. 264], а также короткие диалоги и коммуникативные ситуации, в которых студенты используют усвоенные речевые фигуры в собственных высказываниях.

Таким образом, предложенная трёхуровневая модель — ознакомление, интерпретация и вербализация — обеспечивает поэтапное формирование умений понимания и использования метафорических и иных непрямых способов выражения смысла в иноязычном дискурсе, способствуя развитию когнитивно-прагматической компетенции обучающихся РКИ.

Например, для выявления намеков в текстах занятие по РКИ может включать специальные упражнения, направленные на анализ имплицитной информации в тексте.

- 1) «Задание: Сравните два высказывания и выберите вариант, содержащий намёк. Объясните свой выбор.

Ситуация: Мать обращается к сыну:

- А) «Павел, ты совсем не хочешь заниматься, ты никогда не делаешь домашние задания». Б) «Кто-то совсем не хочет заниматься и делать домашнее задание».

Правильный ответ: вариант Б. Здесь используется намек: обобщенная семантика неопределенno-личного местоимения «кто-то» позволяет создать имплицитное сообщение, передающее скрытый упрек. Подобные стратегии часто используются в ситуациях, когда прямое высказывание может быть нежелательным или социально неуместным».

Приведем другие примеры, где мы просим студентов объяснить намёк.

- 1) «Диалог между подругами:
— «Кое-кому стоит похудеть».

Комментарий. В этом случае, несмотря на обобщенную семантику, обе подруги понимают, к кому относится данное высказывание, но формулировка остается завуалированной».

- 2) «Диалог между друзьями:
— «Кто-то купил машину и молчит».

Комментарий. Метасмыл высказывания заключается в том, что друг не поделился радостной новостью, и это воспринимается как нарушение коммуникативных ожиданий»

Для работы с интерпретацией намёков можно привести следующие примеры, которые можно использовать на занятиях по РКИ. Задания представляются в порядке от более лёгким к более трудным.

1) Задание: объясните смысл сказанного, что имелось в виду?

А) «Обстоятельства общения: Преподаватель обращается к студентам:

«Мне кажется, у нас на уроке шумно!»

Комментарий. Преподаватель использует намек, чтобы косвенно указать на недопустимое поведение студентов. Скрытый смысл состоит в том, что студенты мешают ведению занятия. Подобные имплицитные формы выражения могут быть понятны учащимся уже на уровне владения русским языком А2.

Б) Обстоятельства общения.

Обстоятельства общения. Президент США Дональд Трамп во время обращения к избирателям в штате Оклахома использовал новый термин для описания коронавируса. «Я могу назвать это — кунг-грипп (Kung flu — ред). Я могу назвать 19 различных версий названий. Многие называет это вирусом, чем оно и есть. Многие называют это гриппом. Какая разница. Я думаю, у нас есть 19 или 20 версий названия»

Комментарий. Приставка «кунг-» является составной частью слова «кунг-фу», что означает на китайском языке «военное, боевое искусство», родина которого, соответственно, — Китай. Если с помощью интерпретационной практики парадигмирования вывести скрытый смысл сказанного, то мы можем заключить, что Дональд Трамп намекнул на китайское происхождение вируса.

В) Обстоятельства общения. RT в публикации от 11.11.2025 г. сообщает о реакции Министра иностранных дел Сергея Лаврова на разоблачение роли Британии в провокации с российским МиГ-31. Ранее ФСБ предотвратила операцию ГУР Украины и британских кураторов. Они хотели угнать истребитель с «Кинжалом» и направить в район авиабазы НАТО в Румынии.

«Я не знаю, как британцы будут отмываться от этого, хотя их способность быть в положении гуся, вышедшего из-под душа, — она хорошо известна» — отметил Сергей Лавров.

Комментарий. Намёк реализуется во фразе «положение гуся, вышедшего из-под душа», которая является перефразой неодобрительного разговорного выражения-поговорки «как с гуся вода». Иностранных студентов необходимо сначала познакомить с этой русской поговоркой, прояснить её смысл и таким образом снять лексические и страноведческие трудности. «С него, как с гуся вода» — так говорят о человеке, которому безразлично мнение окружающих, или этические нормы и традиции, моральные устои, или даже, в некоторых случаях, закон. В данной цитате слово «отмываться» и выражение «способность быть в положении гуся, вышедшего из-под душа» стоят в одном синонимическом ряду, что, по мнению Лаврова, означает, что Британии ничего не стоит организовывать подобные неправомерные действия по отношению к другим странам, и оставаться безнаказанными, что не раз подтверждалось на практике. Такой пример можно брать на занятии со студентами уровня владения русским языком не ниже В1.

Для выхода в речь на любом уровне владения русским языком иностранными студентами можно использовать коммуникативную игру «Намёк понял!», когда один из студентов (или команда студентов) придумывает намёк, а другой — интерпретирует его смысл. Кто быстрее поймет намек, должен быстро сказать: «Намек понял(а)!»

Таким образом, выявление и интерпретация намёков требует не только языковой компетенции, но и знаний о культурных особенностях общения. Лингвокогнитивные исследования помогают разработать методические подходы, направленные на развитие у студентов способности интерпретировать имплицитные смыслы в русской речи, что

существенно улучшает их коммуникативную компетенцию и адаптацию в языковой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дронов, В. В., Синячкин, В. П., Шляхов, В. И. Мир зверей и птиц в русском языковом сознании. М.: РУДН, 2019. — 123 с.
2. Тарасов, Е. Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопр. психолингвистики. 2009. №10. С. 20-26
3. Шляхов, В. И., Агафонова, К.Е. От метафоры до фейков: Словесное воздействие на эмоции, знания и поведение людей / В. И. Шляхов, К. Е. Агафонова, 2023. — 166 с.]
4. Шляхов, В. И. Теории ошибок и метасмысл в дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2008. № 3. С. 80-85.
5. Щукин, А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов /А.Н. Щукин. — М.: Высш. ШК., 2003. —334 с.

Поступила в редакцию 22.07.2025 г.

K. E. Agafonova

LINGUOCOGNITIVE STUDIES IN TEACHING RCT: UNDERSTANDING IMPLICIT INFORMATION (USING HINTS AS AN EXAMPLE)

The article discusses the basic concepts and postulates of modern linguocognitive studies: metasense, implicitness, pre-text and post-text programs, hypertextuality, and the concept of associative fields. The article also examines the methods of studying metasense in Russian as a foreign language classes, which are elements of meaning that are not explicitly expressed but are implied in texts. This study focuses on the analysis of hints in Russian as a foreign language classes and the examples of tasks aimed at identifying and interpreting hidden meanings by foreign students. The development of these ideas is crucial for the creation of educational materials aimed at helping students understand and use indirect communication figures that contain meta-meaning, both in oral and written forms. The article presents methodological solutions tailored to foreign students with Russian language proficiency levels ranging from A2 to B2.

Key words: *linguocognitive studies, meta-meaning, implicitness, hints, pre-text and post-text program, hypertextuality, three-level learning model, teaching methods of RFL.*

Агафонова Кристина Евгеньевна.

АНО ЦПРЯиК «Институт русистики»
Кандидат педагогических наук
г. Москва, РФ
E-mail: agafonovake@yandex.ru

Agafonova Kristina Ievgenievna.

Institute of Russian Studies,
Ph.D. ped. sciences, director,
Moscow, Russia
E-mail: agafonovake@yandex.ru

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.18038293

Д. А. Калмыкова © 2025

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
Донецкий государственный университет
(Научн. рук. — канд. филол. наук М. Н. Панчехина)

ОБРЯДОВЫЙ КОНТЕКСТ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СЛАВЯНСКИЕ ПРАЗДНИКИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

В данной исследовательской работе анализируются особенности реализации обрядового контекста лексики со значением «славянские праздники» в произведениях Н. В. Гоголя. Исследование посвящено проблемам связи творчества Н. В. Гоголя с праздничными славянскими традициями. Решаемые в ходе данного исследования вопросы позволяют по-новому взглянуть на содержание текстов художественной литературы, расширить понимание лексики с тематикой «славянские праздники» и особенности её реализации автором. Отдельные аспекты связи обрядовой лексики с традиционными славянскими культурами были прослежены на примере тестов произведений, таких как «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед Рождеством».

Ключевые слова: структура, семантика, лексика, категория, значение, обрядовая лексика, праздники.

Обрядовый контекст лексики представляет собой уникальную область исследования, объединяющую язык, историю и культуру. Согласно утверждению исследователя Ф. Т. Аутлетова «...лексика, используемая в обрядовых практиках, носит значительные культурные и исторические оттенки, отражая традиции, обычаи и коллективные ценности народа. Изучение этой лексики позволяет углубить понимание языка как средства, через которое передаются культурные нормы и социальные значимые значения» [1, с. 7].

Следует отметить, что особенностью обрядовой лексики является её функциональность в рамках изучения художественного слова, сочетания традиций и ритуалов. Этнографическое значение обрядовой лексики заключается в том, что она позволяет реконструировать исходные базисные основы культуры. Это связано с тем, что обрядовые традиции обладают высокой степенью консервативности.

Поэтому, соглашаясь с точкой зрения учёного в области истории русского фольклора А. К. Байбурина, обозначим, что «...изучение обрядовой лексики помогает: восстановить первоначальный вид и подоплётку исторического события» [3, с. 40].

Для этого нужно сформировать чёткое представление о наименованиях и функциях предметов, действий и лиц, принимающих участие в ритуале, выявить этнокультурные смыслы. В сакральном контексте обрядового комплекса наименования предметов и явлений приобретают дополнительные символические и аксиологические компоненты значения» [2, с. 17–18]. Словесные формулы, произносимые во время ритуалов, имели магическую силу, воздействуя на мир, природу и сами ритуальные процессы.

Обрядовые слова, такие как заклинания или молитвы, служили мостом между материальным и духовным мирами, позволяя людям взаимодействовать с высшими силами. Этот сакральный язык формировал идентичность, объединяя общину вокруг общих ценностей и традиций. С течением времени, несмотря на утрату некоторых обрядов, сакральный смысл слов сохранялся в народной памяти [7]. Исследование данного раздела лексики в современной языковой культуре, открывает двери к

пониманию глубинных слоёв славянской культуры, их взглядов на жизнь, смерть и связь с природой. Слово, зафиксированное в обряде, становится не только элементом традиции, но и носителем вечной мудрости, актуальной и в современном мире.

А. К. Байбурин указывает, что «...с помощью исследования лексики со значением «славянские праздники» в художественном творчестве Н. В. Гоголя, читатель сможет приблизиться к пониманию этнокультурной картины мира автора как носителя особого славянского диалекта» [3, с. 40–41].

Для этого нужно проанализировать семантическое наполнение слова и соответствующую ему реалию, так как каждое слово имеет не только смысл, но и эмоциональную нагрузку, что усиливает связь между участниками обряда и его смыслом» [2, с. 38]. Такого рода лексика часто обрамляет ключевые моменты жизни общества — такие как рождение, свадьба, похороны, и её изучение способствует восстановлению утраченных культурных связей и традиций [5].

Актуальность изучения обрядовой лексики сегодня неоспорима. В условиях глобализации, когда многие традиции подвергаются изменению или исчезают, понимание и сохранение этого языка становится важным актом культурной идентичности. Поэтому исследование обрядовой лексики — это способ сохранить наследие и передать его будущим поколениям. В обрядовом контексте лексика, имеющая значение «праздники», представляет собой одну из ключевых категорий народной культуры.

Культурные и фольклорные праздники, как явления социальной жизни, вырабатывают определённые языковые формы, отражающие традиции, обычаи и ритуалы, связанные с их проведением. Эти слова несут в себе «...сакральный смысл и отображают мировосприятие общества, определяемое его историческими, религиозными и культурными особенностями. Такие культурные и фольклорные праздники составляют пласт лексики со значением «национальные славянские праздники» (Л. А. Жуховицкий [6, с. 213–214]).

Материалом данного исследования послужила обрядовая лексика, объединённая интегральным семантическим полем «славянские праздники», извлечённые методом сплошной выборки из художественных произведений Н. В. Гоголя («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед Рождеством»). Количество примеров выборки — 153 лексические единицы (далее — ЛЕ).

Лексика со значением «славянские праздники» в литературном творчестве Н. В. Гоголя представлена через обрядовые, праздничные и фольклорные элементы, которые отражают богатство народной культуры. Гоголь активно использует эту лексику для создания колоритного изображения жизни типичного славянского села и подчёркивания магического реализма в своих произведениях.

Обрядовый, праздничный и фольклорный контекст лексических единиц в творчестве Н. В. Гоголя, играет ключевую роль подчёркивая связь его литературы с русской культурной традицией. В произведениях Гоголя мы наблюдаем, как лексика обрядовой и праздничной жизни отражает как народные верования, так и социальные особенности общества того времени. Например, описание обряда «святок» [4] создаёт не только атмосферу потусторонности, но и углубляет понимание русских обычаяев, связанных с этой порой.

Фольклорные элементы в гоголевских текстах выступают не только для усиления народной колористики, но и как важный структурный компонент, который способствует раскрытию персонажей и их мотивов. Н. В. Гоголь использует народные пословицы, поговорки и песни, что позволяет создать яркий и правдоподобный образ деревенской жизни. Эти элементы взаимодействуют с основными сюжетами и темами, добавляя им глубину и многослойность. Праздники, такие как Масленица или Рождество,

описываются с использованием ярких эмоциональных и зрительных образов. Н. В. Гоголь мастерски передаёт дух веселья и торжества, что обогащает общий контекст его произведений. В вышеперечисленных произведениях автора можно найти множество упоминаний о различных праздниках, которые служат фоном для социальных взаимодействий персонажей. Такие лексические единицы помогают создать связь между читателем и народной традицией, делают персонажей ближе и понятнее. Например, в «Ночи перед Рождеством» можно увидеть влияние народного творчества с его аллегорическими и символическими значениями. Лексика, связанная с обрядами, праздниками и фольклором в творчестве, не только обогащает его произведения, но и служит важным инструментом для передачи культурных и национальных ценностей. Эти элементы делают написанное Н. В. Гоголем не просто литературным произведением, но и культурным наследием, которое сохраняет в себе дух русского народа.

Также, лексика, связанная со значением «славянские праздники» играет важную роль в создании атмосферности и глубинного смысла художественных произведений. Гоголь мастерски использует народные традиции и обычаи, вплетая их в сюжеты и образы своих героев. Это не только создаёт уникальный колорит, но и подчёркивает связь персонажей с их культурными корнями.

Одним из ярких примеров использования такой лексики является описание зимних праздников в «Сорочинской ярмарке», «Вечере накануне Ивана Купала» и «Ночи перед Рождеством». Праздники становятся символом не только радости и веселья, но и глубинного понимания жизни, её парадоксов и тайн. Гоголь использует элементы фольклора, такие как народные песни, обряды и легенды, что придаёт тексту особую магию и позволяет читателю лучше усвоить культурные коды.

Лексика, связанная со славянскими праздниками, в художественных произведениях Н. В. Гоголя не просто украшение, а важный инструмент для раскрытия сложной системы ценностей и мировосприятия русского народа. Эти элементы делают его творчество многослойным и насыщенным, открывая новые горизонты для анализа и интерпретации.

Обрядовый контекст лексики со значением «праздники» включает в себя не только сами праздники, но и элементы традиционной народной культуры, соотносящиеся с ними. К ним относятся обычаи, предписания, приметы, поверья.

Названия праздников отражают культурно-исторические традиции, верования и обычаи представителей территории замкнутого социума. Они представляют особую форму хранения и отражения национально-культурной информации, становятся основой для порождения символических значений в ценностно-смысловом пространстве этноса.

Попадая в сакральный контекст обрядового комплекса, наименования предметов и явлений приобретают дополнительные символические и аксиологические компоненты значения. Лексика характеризующая славянские праздники, активно используется в художественных произведениях писателей XIX века, отражая глубокие культурные корни и традиции того времени.

В соответствии с вышесказанным отметим, что произведения Н. В. Гоголя — это «сочетание реалистичных традиций и мистических элементов. Гоголь, используя элементы народной лексики, создаёт в своих художественных произведениях аутентичные картины славянских праздников» (И. Ф. Заманова [7, с. 19]). Его творчество становится своеобразным мостом между высокой литературой и народной культурой. Обрядовая лексика XIX века помогает читателю лучше понять значимость традиций, связывающих разные поколения. Изучение обрядовой лексики и терминологии позволяет реконструировать культурные праформы и приблизиться к пониманию картины мира носителей диалекта.

На примере текстов художественных произведений Н. В. Гоголя можно выделить несколько групп лексем, связанных с праздниками. К ним относятся названия самих праздников, например, «Рождество», «Пасха», «Новый год» [4], а также слова, обозначающие обряды, характерные для каждого из них, такие как «колядки», «поминальные» и «масленица» [4]. Кроме того, важно отметить, что праздники часто сопровождаются специфическими периферийными лексемами, связанными с атрибутами и символикой, такими как «ёлка», «кулич», «кривошея» [4].

В своём творчестве Н. В. Гоголь использует лексику, связанную с летним праздником: «костры» [4] — обязательный элемент обряда очищения; «папоротник» — символ поиска счастья и магической силы; «прыжки через огонь», «венки из цветов», «гадания» [4] — ключевые ритуалы праздника. «На Купала вся деревня шла смотреть, кто выше всех перепрыгнет через костёр...» [4]. В произведениях автора описана лексика, обозначающая христианские и народные обряды, связанные с Рождеством: «колядки», «шумные игры», «песни», «угожения блинами» [4]. «Смех, песни, блины на столах — разве не праздник?» [4].

Н. В. Гоголь активно использует мифологическую лексику, связывая её с народными праздниками: «чёрт», «ведьма», «утопленница» [4] — нечистая сила, особенно активная в праздничные дни; «клады», «магия», «волшебство» [4] — обычаи, связанные с гаданиями и обрядами, популярными в дни праздников. «На Ивана Купала, говорят, ведьмы летают над кострами...» [4]. Славянские праздники Гоголь связывает с природой, используя лексику: «Травы», «цветы», «река», «луна», «звезды». «Ночь Ивана Купала освещалась луной, звёзды сияли, а девушки плели венки из свежих цветов...» [4]. Праздники в произведениях Н. В. Гоголя неразрывно связаны с верованиями и фольклором: «прибаутки», «песни», «хороводы» [4], отражающие коллективное веселье. «На ярмарке раздавались колядки, а вокруг весело кружились в хороводах...» [4].

Лексика, отражающая славянские праздники, занимает важное место в произведениях Н. В. Гоголя и служит не только фоном, но и основополагающим элементом русской культуры.

В «Сорочинской ярмарке» автор использует обилие фольклорных мотивов, описывая ярмарочные гулянья, которые неразрывно связаны с крестьянскими праздниками. Здесь мы видим живописные сцены, полные народных обычай, что подчёркивает богатство национальной традиции.

В произведении Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» активно используются элементы лексики, связанные со славянскими праздниками, обрядами и народной культурой, что создаёт неповторимую атмосферу, передающую дух традиционной народной ярмарки, насыщенной весельем, колоритом и национальными традициями. Например, Н. В. Гоголь через язык описывает обычай и традиции, характерные для славянской культуры. Упоминания таких праздников, как «Купала» [4], обрядовые действия и поверья связаны с миром языческих и христианских обрядов: «Солнце палило, как в день Купала...» [4] — отсылка к одному из важных обрядовых праздников лета, связанному с огнём и водой.

Также, творчеству Н. В. Гоголя свойственно широкое применение «фольклорно-атрибутивных элементов» (согласно понятию Ф. Т. Аутлевой «определения, обозначающие разнообразные, присущие предмету качественные, количественные и определяющие национальные признаки» [1, с. 6]) вводит в текст слова, которые отражают традиционные атрибуты праздников и обрядов: *венки, песни, пляски* [4] — символы народных гуляний. Описание языческих верований и поверий (например, упоминания про нечистую силу и чёрта [4]) тесно переплетается с праздничными и обрядовыми сюжетами. Кроме того, в «Сорочинской ярмарке» активно используются

фольклорные мотивы. Такие как: песни, частушки и диалоги героев, насыщенные народными оборотами, которые зачастую исполнялись именно на праздничных мероприятиях. Они передают особенности традиционного празднования и быта. Гоголь использует народные выражения, которые воссоздают атмосферу ярмарочного веселья. В качестве примера приведём следующее: «*Да разве не ярмарка? Тут и песня, и пляска, и пир!*» [4]. Данными выражениями Гоголь привносит в текст элементы народных поверий, которые тесно связаны с праздничной культурой славян.

В рассказе Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» использована яркая обрядовая и праздничная лексика, которая отражает славянскую народную культуру. Эта лексика связана с праздником Ивана Купала, языческими обрядами, магическими элементами и поверьями. Само название произведения «*Вечер накануне Ивана Купала*» уже указывает на значимость этого праздника, который традиционно отмечался в ночь с 6 на 7 июля. Автор описывает его как время, наполненное мистикой, магией и народными гуляньями. Пример: «*На Ивана Купала все деревенские девушки собирались вместе плести венки...*» [4], что указывает на одну из традиций праздника — плетение венков и гадания. Также, Н. В. Гоголь описывает конкретные действия, характерные для празднования Ивана Купала: *прыжки через костёр, гадания, сбор трав, взаимодействие с водой и огнём*. Приведём примеры из текста произведения: «*Развели огромный костёр...*» [4] — традиционный элемент праздника, связанный с очищением и изгнанием злых духов. «*Кто перепрыгнет через него выше всех, тому суждено быть счастливым...*» [4] — обрядовая часть, связанная с гаданием, на счастье. «*Пускали венки по воде...*» [4] — элемент девичьего гадания на судьбу.

Стоит также отметить, что празднование Ивана Купала тесно связано с природными стихиями. В своём произведении Н. В. Гоголь использует слова, которые подчёркивают символику трав, деревьев и цветов в обрядовом контексте: «...*девушки собирали папоротник...*» [4] — в ночь Ивана Купала искали мифический цветок папоротника, символ удачи. «*Пахло свежескошенной травой и цветами...*» [4] — атмосфера праздника связана с летней природой и её магической силой. С целью подчеркнуть мистическую сторону праздника, Н. В. Гоголь вводит образы, связанные с народными поверьями: нечистая сила, духи природы, клады. Например: «*Чёрт заманил Петруся...*» [4] — представление о том, что в ночь Ивана Купала нечистая сила особенно активна. «*На празднество Купала открываются клады...*» [4] — мотив поисков сокровищ, тесно связанный с верой в магию праздника. «*Злобная ведьма...*» [4] — ведьмы в народных поверьях часто связаны с Купальской ночью.

Описания ярких костров, пения, танцев и общей атмосферы ночного веселья передают дух Ивана Купала: «*Огни костров отражались в воде...*» [4], «*Всюду раздавались песни, звуки бубнов и гармоник...*» [4], «*Венки плыли по течению, сливаясь с отблесками лунного света*» [4]. Также, зачастую, для создания особой праздничной атмосферы Н. В. Гоголь использует народные мотивы, отсылки к песням и шуткам, характерными для праздничного настроения. Приведём следующие примеры: «*Девичий смех раздавался над рекой...*» [4], «*Ребята и девчата водили хороводы...*» [4] — характерное времяпрепровождение на празднике, акцентирующее внимание на праздничном настроении.

В произведении Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» обрядовая лексика играет ключевую роль в создании атмосферы праздника. Гоголь использует слова и выражения, связанные с традициями, обычаями и поверьями, характерными для славянского празднования Рождества. Рождество представляет центральный мотив рассказа, в ходе которого Гоголь подробно описывает обычай, связанные с этим праздником: *колядование, праздничный стол, гадания* [4]. Приведём примеры: «*Колядки*» [4] — писатель упоминает обряд колядования, который широко распространён в славянской культуре. В тексте встречаются описания, как «...*молодёжь собиралась петь колядки*» [4]. «*Угощения за*

колядки» [4] — в тексте подчёркивается, что хозяева дают еду или небольшие подарки за исполнение колядок, что символизирует гостеприимство и щедрость. «*Все окна в домах светились, готовились к весёлому колядованию...*» [4].

Описание праздничного стола также важный элемент в славянских обрядах. Н.В. Гоголь описывает традиционные блюда и обычаи, связанные с подготовкой к Рождеству. Например, «*Кутыя*» [4] — традиционное рождественское блюдо, которое обязательно присутствует на столе. «*Вареники*» [4] — символ достатка и угощении для гостей. В тексте есть сцена, где упоминаются вареники, которые как бы сами «прыгают в рот» Чубу. «*За столом шумели, ели вареники, кутью и слушали весёлые колядки...*» [4].

Для создания атмосферности и сакральности национального праздника, автор воссоздаёт народные верования, которые тесно переплетаются с рождественскими обрядами. В рассказе упоминаются образы чертей, ведьм, звёзд, что отражает языческое наследие, переплетающееся с христианством. Например, мифический персонаж «*Чёрт*» [4] — в народных поверьях, нечистая сила особенно активна в святки. Чёрт в рассказе крадёт луну, что создаёт мифологический контекст. «*Ведьма*» [4] — Солоха, как носительница магических сил, отражает народные представления о ведьмах, которые связаны с гаданиями и предсказаниями. «*Селяне верили, что в ночь перед Рождеством нечистая сила может выйти из-под земли...*» [4].

Колоритность и мифичность всему повествованию придаёт обряд гадания, как важная составляющая рождественских обрядов, особенно для молодых девушек. Гоголь подробно описывает этот элемент. Приведём следующие примеры: «..гадания на воске» [4] — обряд, где растопленный воск льют в воду и по его форме предсказывают будущее. «*Гадания на тени*» [4] — обряд с использованием свечи и бумаги для предсказаний. «*Рождественская звезда*» [4] — символ начала праздника, её появление знаменует время для колядок. «*Морозная ночь*» [4] — отражает чистоту и торжественность момента. «*Девушки гадали, как бы заглянуть в своё будущее: то тень лили на стену, то спрашивали суженого в зеркале...*» [4]. «*Звёзды разбрасывали свет, как бы участвуя в великом празднике...*» [4].

Отметим, что Н. В. Гоголь использует обрядовую лексику, связанную с обрядовыми традициями празднеств, свадеб, похорон, колядования, рождественского застолья, гаданий, мифологических представлений и других ритуальных действий, характерных для описания народных традиций празднования. Благодаря этим элементам он создаёт яркий, живой и аутентичный мир, передающий атмосферу народного праздника [8]. В произведениях Н. В. Гоголя обрядовая лексика играет ключевую роль в создании атмосферности и раскрытии культурных традиций славян. Словосочетания и выражения, связанные с празднованием Рождества, позволяют читателю погрузиться в мир народных обычаем и верований. Например, упоминается традиция приготовления особых блюд, что символизирует не только праздность, но и объединение семьи. Автор нередко использует стилистические средства, которые увеличивают эмоциональную окраску и подчёркивают важность этих праздников в жизни людей, что, в свою очередь, делает тексты Гоголя глубокими и многослойными.

Таким образом, славянская обрядовая лексика пронизана сакральным смыслом, отражает глубокие связи между языком, культурой и духовностью народа. Каждый обряд, каждое слово облекается автором особыми значениями, которые передают народные традиции, верования и мудрость предков. Такие лексические единицы не только служили для обозначения действий, но и выполняли функцию символов, несущих в себе важные культурные коды. В этом контексте бережное обращение Н. В. Гоголя с народно-обрядовой лексикой становится инструментом не только для художественного выражения, но и социальной критики. С помощью обрядовой лексики славянских праздников, автор показывает, как традиции могут влиять на судьбы людей, формируя их характеры и

предопределяя жизненные пути. Праздники, наполненные обрядовостью и мистикой, служат важной основой для понимания конфликтов и стремлений героев того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аутлева Ф.Т. Ценностно-нормативные ориентиры русской ментальности: социально-философский анализ: автореф. дис. . канд. филол. наук / Ф.Т. Аутлева. — Москва, 1996. — 23 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин.— Санкт-Петербург: Наука, 1993. — 237 с.
3. Байбурин А.К. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе / А.К. Байбурин, Г.А. Левинтон // Русский народный свадебной обряд: исследования и материалы. — Ленинград: Наука, 1978. — С. 89-105.
4. Гоголь Н.В. Избранные произведения в одном томе (компиляция) / Под ред.: В.Р. Одинцовой, К.И. Рогозина и др. — Москва: Электронная библиотека RoyalLib.Com, Издательский дом: Интернет-издание. — 2018. https://royallib.com/book/gogol_nikolay/izbrannie_proizvedeniya_v_odnom_tome.html.
5. Дышлевый П.И. Что такое общая картина мира [Текст] / П.И. Дышлевый, Л.В. Яценко. — Москва: Знание, 1984. — 64 с.
6. Жуховицкий Л.А. Время Гоголя / Л.А. Жуховицкий // Нева, 2009. — № 3. — С. 213–217.
7. Заманова И.Ф. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: пространство и время: Монография / И.Ф. Заманова, Н.В. Бардыкова. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. — 168 с.
8. Константинова С.С. Этнология. Конспект лекций [Текст] / С.С. Константинова. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. — Корнилов О.А. — 176 с.
9. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. — Москва: ЧеРо, 2003. — 287 с.
10. Музовецкая М.Ю. Метапоэтика художественных произведений Н.В. Гоголя // Человек и культура. — 2021. — № 3. — С. 7–9.
11. Онлайн источник национального корпуса языка 2023. [Электронная версия]: <https://processing.ruscorpora.ru>

Поступила в редакцию 19.09.2025 г.

D. A. Kalmykova

THE RITUAL CONTEXT OF THE VOCABULARY WITH THE MEANING ‘SLAVIC HOLIDAYS’ IN THE WORKS OF N.V. GOGOL

This research paper analyzes the features of the implementation of the ritual context of vocabulary with the meaning ‘Slavic holidays’ in the works of Nikolai Gogol. The research is devoted to the problems of the connection of N.V. Gogol’s creativity with festive Slavic traditions. The issues solved in the course of this research allow us to take a fresh look at the content of fiction texts, expand our understanding of the vocabulary with the theme “Slavic holidays” and the specifics of its implementation by the author. Certain aspects of the connection of ritual vocabulary with traditional Slavic cultures were traced using the example of such works as ‘Sorochinskaya Fair’, ‘The Evening before Ivan Kupala’, ‘The Night before Christmas’.

Key words: structure, semantics, vocabulary, category, meaning, ritual vocabulary, holidays.

Калмыкова Дарья Андреевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Аспирант.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru.

Kalmykova Daria Andreevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Graduate student.
E-mail: darya-kalmikova@mail.ru.

Панчехина Мария Николаевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: mpanchehina@gmail.com

Panchehina Maria Nikolaevna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: mpanchehina@gmail.com

«ВОЙНА» В ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассматривается концепт «Война» в современной поэзии Донбасса как сложное, многослойное и полисемантическое явление, входящее в структуру культурной и языковой картины региона. Анализируется лингвопоэтическая специфика репрезентации войны у современных авторов, где конфликт осмысляется через систему региональных деталей, диминутивов, индустриальных лексем, телесных метафор, топосов шахты, террикона и бытового городского пространства. Показано, что ключевым механизмом становится переосмысление войны не как абстрактного исторического сюжета, а как повседневной, телесной и переживаемой материи. Устанавливается связь между локальными образами и формированием коллективной памяти, травматического опыта и региональной идентичности. Делается вывод о том, что «Война» в поэзии Донбасса — это не только тематический центр, но и концептообразующий элемент, определяющий специфику языка, образности и картины мира.

Ключевые слова: концепт, регионализм, образ войны, война, поэзия Донбасса, языковая личность, культурная идентичность.

Язык представляет собой не только систему знаков, но и особую форму отражения действительности, инструмент осмысливания человеком окружающего мира и самого себя. Через язык человек не просто называет предметы и явления, но и интерпретирует их, придавая им культурно значимое содержание. Именно поэтому современная лингвистика всё чаще обращается к изучению языка как культурного феномена, что находит отражение в рамках лингвокультурологии — дисциплины, исследующей взаимосвязь языка, сознания и культуры (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, В. В. Воробьев, Н. А. Красавский, В. А. Маслова, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов).

Как отмечает В. А. Маслова, ключевая задача лингвокультурологии состоит в том, чтобы «эксплицировать культурную значимость языковой единицы, то есть выявить культурные знания, соотнося языковую единицу с кодами культуры» [7, с. 18]. Таким образом, язык выступает посредником между индивидуальным и коллективным сознанием, формируя специфическую картину мира, в том числе — картину мира военного времени.

Развивая идеи лингвокультурологии, важно подчеркнуть, что язык отражает не только бытовую или художественную реальность, но и социально-травматический опыт, включая войны и конфликты. В условиях региональных катастроф и локальных военных событий слова и образы приобретают особую смысловую нагрузку: привычные лексемы и регионализмы переосмысляются, становятся носителями коллективной памяти, эмоциональных переживаний и культурных ценностей.

Поэзия Донбасса, в частности, демонстрирует, как локальные реалии — шахта, террикон, уголь, антрацит, метан — трансформируются в лингвопоэтические маркеры войны, через которые выражается не только физическая, но и психологическая реальность региона. **Актуальность исследования** определяется необходимостью системного анализа механизмов семантической трансформации региональных лексем и образов под влиянием войны, а также выяснения, как поэтическая локальная лексика формирует коллективное восприятие военного опыта и культурную идентичность региона. Такой анализ позволяет глубже понять, каким образом литература и язык взаимодействуют в экстремальных историко-социальных условиях, что имеет как

теоретическое, так и прикладное значение для современных лингвистических и культурологических исследований.

Цель исследования — рассмотреть лингвопоэтические особенности презентации войны в поэзии Донбасса, выявить, каким образом локальные языковые и образные средства формируют индивидуально-авторскую и коллективную концептосферу военного времени.

М. С. Малышева подмечает, что в современном лингвистическом знании, ориентированном на антропоцентрическую парадигму, язык рассматривается как средство отражения сознания народа, его культурных, ментальных и мировоззренческих особенностей [6, с. 172]. В рамках этого подхода некоторые исследователи отмечают так называемый «лингвокультурологический поворот», предложенный С. Г. Воркачевым [2, с. 3], который позволяет рассматривать язык как инструмент не только фиксации действительности, но и её интерпретации, выступая одним из ключевых элементов в понимании культуры общества и внутреннего мира человека [3, с. 74].

В рамках исследования языковой личности она рассматривается как носитель национально окрашенной концептосферы, основной элемент которой — концепт. Содержание понятия «концепт» в разных научных школах и у отдельных исследователей может существенно различаться, поскольку концепт является прежде всего мыслительной, нефизической категорией. По мнению М. В. Пименовой, сложность его трактовки объясняется междисциплинарным характером: концепт изучается не только лингвистами, но и философами, психологами, логиками, культурологами, что нередко приводит к его внелингвистическим интерпретациям [10, с. 42]. Следовательно, есть разные подходы к определению концепта, например, лингвокогнитивный и лингвокультурный. В. И. Карасик говорит о том, что лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими. Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е., в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду. Лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт — это направление от культуры к индивидуальному сознанию [5].

Концепт представляет собой структурированную ментальную единицу, фиксирующую результаты познавательной деятельности индивида и общества [11, с. 48]. В его состав входят представления, эмоциональные реакции и ассоциативные связи, формирующиеся в процессе функционирования языка в конкретной культуре. Следовательно, в рамках данного исследования мы исходим из позиции, что концепт — это структурированная ментальная единица, отражающая как индивидуальный, так и коллективный опыт, включающая представления, эмоциональные оценки и ассоциативные связи, формирующиеся в национальной языковой среде. Концепт одновременно выступает средством познания и интерпретации действительности и элементом культуры, через который языковая личность воспринимает и осмысливает мир. Особое значение для русского сознания второй половины XX века имеет концепт «Война», который объединяет как словарное значение слова, так и индивидуальный и коллективный опыт народа, проявляясь через такие лексемы, как *бой, страх, боль, смерть* [4, с. 5].

В лингвопоэтическом контексте концепт «Война» понимается как многоплановое явление. В прямом значении это «вооружённая борьба между государствами, народами, племенами и т. п.» [8, с. 145]. Вместе с тем, в современных геополитических условиях война рассматривается не только как исторически обусловленная борьба за

доминирование или независимость, но и как более широкий социальный и психологический феномен. Она охватывает не только открытое вооружённое противоборство, но и различные формы конфликта, в которых используются разные средства воздействия на объекты и субъекты. В обоих случаях ключевыми семантическими признаками концепта являются «противоречие» и «противоборство» (сионим — «распра»). Вторичные, метафорические значения войны проявляются в семейных, корпоративных, экономических и идеологических конфликтах, в борьбе за власть в организациях, партиях или странах, а также во внутренней психологической борьбе индивида. Центральным во всех этих интерпретациях остаётся стремление установить контроль, обеспечить подчинение и одновременно сохранить автономию, независимость и право распоряжаться собой и своей территорией.

В русской языковой картине мира «Война» является культурным концептом, имеет образные, понятийные и ценностные характеристики [1, с. 7]. Рассматривая «войну» как поэтический концепт, убеждаемся, что его отличие в том, что он представлен в тексте не просто словом, а художественно осмысленным языковым средством [14, с. 16]. Это особенно важно при анализе концепта «Война» в поэзии Донбасса, где региональные слова и лексические маркеры становятся носителями коллективной памяти, эмоциональных переживаний и локальной культурной идентичности.

Современная поэзия Донбасса стала особым феноменом в культурном пространстве России и ближнего зарубежья: она возникла на пересечении личного и исторического опыта, в ситуации, когда слово снова обрело силу свидетельства. Наиболее ярко это проявилось в коллективных сборниках, объединяющих поэтов региона, — среди них мы хотели бы выделить «ПоэЗию русского лета» (2023), в котором представлены тексты Д. Артиса, А. Долгаревой, И. Карапулова, С. Пегова, А. И. и А. А. Сигид, О. Старушко, А. Ревякиной и др. авторов. Эти поэты, принадлежащие к разным поколениям и школам, объединены не столько общим стилем, сколько общей духовной и культурной задачей — осмыслением войны как реальности, вошедшей в повседневный и поэтический опыт человека.

Название сборника и визуальные решения его обложки соотнесены не только с актуальной военной символикой, возникшей в период специальной военной операции [9, с. 85–90], но и отсылают к историческому контексту «русской весны» 2014 года. При этом под «русской весной» понимается комплекс социально-политических процессов, который в Крыму завершился присоединением полуострова к Российской Федерации, в Донбассе — созданием и вооружённой защитой территорий самопровозглашённых ДНР и ЛНР, а в других городах юго-востока Украины — силовым пресечением протестных выступлений, направленных против смены власти в Киеве [13, с. 4].

С точки зрения лингвистики подобная номинация выполняет сразу несколько функций. Во-первых, название сборника является маркером культурно-исторического контекста: оно не фиксирует событие буквально, но кодирует его в форме символа, превращая конкретный политический эпизод в элемент культурной памяти. Во-вторых, графическое акцентирование буквы «Z» семантизируется в русской публичной речи последних лет как визуальный знак поддержки военной операции, что создаёт дополнительный коннотационный слой, в котором слово «поэзия» оказывается переосмысленным в пределах новой политico-культурной рамки. В-третьих, сама структура заглавия предлагает читателю вектор интерпретации: оно заранее маркирует корпус текстов как лирики времени конфликта и задаёт тематическое поле для последующего смыслового восприятия.

Следовательно, название сборника и его визуально-лексическое оформление становятся частью лингвокультурного пространства, предвосхищающим поэтическую презентацию войны как концепта. Это даёт возможность рассматривать весь материал

антологий как целостный массив, в котором индивидуальные стратегии авторов репрезентируют одну и ту же семантическую доминанту — «войну», но делают это различными языковыми средствами.

В сборнике каждый поэт предлагает собственное видение «войны»: у Анны Ревякиной она воспринимается как экзистенциальное испытание, очищающее и выявляющее подлинные ценности; у Ольги Старушко — как боль утраты и женская молитва о жизни; у Александра Сигиды — как народная судьба, воплощённая в архетипических образах земли, крови, памяти. Через сравнение этих художественных моделей можно выявить, каким образом концепт «Война» формируется и развивается в лингвопоэтическом пространстве Донбасса, какие ключевые семантические поля и метафоры становятся его ядром. Такой подход позволяет рассматривать «войну» не только как тематический мотив, но и как механизм смыслообразования: война выступает средством постижения границ человеческого, определения своей идентичности и культуры через слово.

В поэтическом отражении донбасских событий в данном сборнике можно выделить несколько ключевых смысловых линий:

— противопоставление двух миров: военного и довоенного. России, которая продолжает жить своей повседневной жизнью. Например, в стихотворении А. Шмелёва *«Умирал солдат, как говорится, / Без ненужных фраз и медных труб, / И гуляла пьяная столица, / И домой разъехалась к утру»* (12, с. 402). В данном фрагменте четко прослеживается противостояние фронтовой реальности и «столичного» быта. Лексемы, связанные с войной — лаконичны и нейтральны, они лишены эмоционально-экспрессивных эпитетов. Эти минимализм и фактологичность создают эффект документальности, отчуждённого фиксирования происходящего. В то же время описание *«пьяной столицы»* оформлено через разговорную интонацию: используются просторечные оттенки (*«гуляла»*, *«к утру разъехалась»*), которые маркируют мир удовольствий, развлечений, «легкости». Так, на уровне языка возникает бинарность: война — молчание, краткость, предельная смысловая плотность, столица — шум, развлечение, беспечность;

— конфликт ценностей и мировоззрений внутри одного культурного пространства. Для части авторов язык войны становится способом вернуть утраченные точки опоры. Так, у И. Карапурова война описывается не только как внешнее столкновение, но как разрушение привычного разделения на «своих» и «чужих»: *«Русские убивают русских / В городе и в селе. / Русские открывают русских / В вороге и в себе»* [12, с. 123]. Повтор лексемы «русские» в позиции субъекта и объекта — грамматически фиксирует исчезновение бинарности, стирает границу между «мы» и «они» на уровне структуры фразы. Конфликт здесь выражен не через метафоры, а через синтаксис: одно и то же слово оказывается и действующим лицом, и жертвой. Тем самым язык демонстрирует внутренний разлом внутри культурного тела, а не межцивилизационный конфликт «внешнего» характера;

— война переживается как личный внутренний опыт. Отдельная тенденция — когда война не описывается внешне (оружие, локации, действия), а переживается как внутренняя психологическая реальность. Для таких текстов характерна бытовая лексика, разговорный регистр, цифровые термины — они показывают, что война входит в повседневность и в сознание, например — у Дмитрия Артиса: *«Открыв сто тысяч пятьсот каналов, листаю сводки до темноты...»* [12, с. 10]. Здесь «война» — это не поле боя, а информационный поток, который человек прокручивает на экране;

— интерпретация войны как универсального мирового сюжета. Важная смысловая линия сборника — выведение современного конфликта в Донбассе на уровень глобальной культурно-исторической перспективы. Война осмысливается авторами как часть общего, повторяющегося мирового сюжета, встраиваемого в ряды древних и новейших войн, культурных кодов и мифологем. Так, М. Ватутина прямо называет

происходящее «Второй Великой Отечественной» («С февраля сошла грязноватая наледь», [с. 51]), связывая современный опыт с идеей «воссоздания родины» [12, с. 51]. У В. Маленка акцентируется абсолютная ценность русской культуры как «опорного ядра» народного бытия: «Ярче солнечной стружки, / Что горит без конца, / Лишь Россия и Пушкин, / Да могила отца» [12, с. 177].

Особо показателен в этой связи пример стихотворения Александра Сигида-младшего «Одноглазый бог войны» [12, с. 362–363], где современная война помещается в историческую линию от Ганнибала и Наполеона до Первой мировой войны и фигуры Гудериана. Война мыслится как универсальный и надвременной феномен: «Ты одноглазый бог войны — / Вне времени и вне пространств» [12, с. 362]. Автор характеризует современность как эпоху «конца миров» и «Рагнарёка»: «Я не ищу ничьей вины, / Живя во время Рагнарёка» [12, с. 363].

Таким образом, обращение к образам мировой культуры, мифологии и историческим прецедентам позволяет авторам сборника вывести локальный опыт Донбасса на уровень общечеловеческого — интерпретируя нынешние события не как частный политический эпизод, а как повторение вечного цикла цивилизационного испытания.

Современная поэзия Донбасса демонстрирует широкий спектр языковых моделей презентации войны, где локальный опыт региона трансформируется в художественные тропы, формирующие концепт «Война» как многоплановое явление. Важной особенностью является то, что военные реалии почти никогда не передаются документально; напротив, авторы создают «пределенный опыт» через метафоры, символы, апокалиптические и биологические аллюзии, синестезию и детские мотивы.

Так у А. Ревякиной доминирует апокалиптическая семантика, переводящая войну в категорию «конца мира». В стихотворении «Воронки, воронье, война / А мы войны святые дети» [12, с. 285] военная реальность структурируется через лексику тотального разрушения («воронки», «воронье»), формируя образ «пустоши». У Ольги Старушко война репрезентуется через образ огня и термодинамический дискурс: «Донбасс — одно сплошное пламя, / Где плавятся металлы и камень» [12, с. 394]. Лексемы «пламя» и «плавятся» формируют метафору войны как процесса физического и материального разрушения, превращая регион в горнило, в котором стираются границы между живым и неживым.

Александр Сигида-младший выводит войну в биологический регистр. В стихотворении «Мачете» он пишет: «Человек — это хищный зверь, выползающий из болот. / А война — это плоти пищество, и похоти, и охота» [12, с. 359]. Здесь война — не политическое событие, а возврат к инстинкту. Вследствие использования лексики «зверь», «плоть» происходит понижение уровня человеческого до животного, что создаёт эффект антропологического регресса. (Это тот же прием, что и в «Одноглазом боехе войны»: «Ты одноглазый бог войны — / Вне времени и вне пространств» [12, с. 362] — война выводится из истории, в метафизику инстинкта.) У Дмитрия Артиса война материализуется через сенсорные образы: «...ветер до нас донесёт / вместе с запахом крови и сажи / аромат азиатских широт» [12, с. 320]. Синестезия «запах крови и сажи» делает войну физически осязаемой и вовлекает читателя на уровне телесного восприятия.

Противоположный подход демонстрирует Анна Долгарёва, у которой война фиксируется через бытовой язык и повседневную реальность: «Серёга обычный парень. Просто делает свою работу — чинит водопровод» [12, с. 91]. Лексическая семантика «чинить», «течь» превращает кровь и разрушение в метафору утечки, где война — не метафизическая катастрофа, а неисправность системы. Здесь используется минималистическая прозаизация, разговорный регистр, синтаксическая простота, что создаёт эффект документальности и «обыденного участия» в катастрофе.

Именно из этой точки — из «обыденности» и «привычного» — открывается важнейшая следующая линия, связанная с образом ребёнка. Ведь дети в сборнике чаще всего показаны как те, кто вообще не должен знать о войне — они живут в мире, который взрослые пытаются «защитить» от реальности. У Анны Ревякиной это оформлено так: «— Мама, я слышал или послышалось: снова стреляют? / — Спи, мой хороший, это, должно быть, гроза» [12, с. 311]. Здесь на уровне языка работает эвфемизация: война заменяется «грозой». Через подстановку безопасного слова поэт передаёт сам факт невозможности — или нежелания — назвать войну прямо.

Именно в этой логике — когда реальность войны от ребёнка «скрывается» или «переводится» на другой код — мотив детства становится в поэтике сборника одной из самых сильных антитез войне. Если у взрослых война описывается как «ад», «огонь», «пиршество плоти», то дети появляются как воплощение будущего, ещё не вступившего в историю. Поэтому в текстах детство и война — это не просто разные семантические зоны, а принципиально несовместимые регистры.

На уровне языка это особенно заметно у Ольги Старушко. В поэме «Смертная колыбельная» смерть ребёнка фиксируется через лексику сна и колыбельной: «Вечный сон на лицах детских: спят в Луганске, спят в Донецке» [12, с. 382–384]. Метонимия «сон» здесь подменяет слово «смерть», создавая эмоционально невыносимый эффект — смерть ребёнка не может быть названа «впрямую», язык сам отступает, выбирает более мягкий регистр.

У Анны Ревякиной детский мотив также строится через лексику ночного успокоения: «Слезы дают по ночам, чтобы дети не знали» [12, с. 311]. Война в этом фрагменте оказывается тем, что взрослые вытесняют, чтобы дети могли спать.

Особое место в поэтике сборника занимают региональные лексемы, через которые война репрезентируется локально и материально. Донбасс с его шахтами, терриконами, «угольком», как называют жители, и антрацитом формирует собственный семантический пласт, создающий уникальный колорит войны. Эти слова становятся носителями эмоциональной и культурной памяти, а также инструментом художественной репрезентации физического и психологического опыта конфликта.

У Анны Ревякиной шахты и терриконы часто выступают метафорой «подземной войны» и скрытой угрозы. В стихотворении «Спи, моя дорогая, спи» она пишет: «Посреди степи спит шахтерская дочка» [12, с. 301]. Лексема «шахтерская» не только обозначает социальный статус ребёнка, но и коннотирует опасность и травматический опыт региона: шахта — это одновременно труд и символ разрушения, «глубина» и риск.

У Ольги Старушко диминутив «Уголёк» превращает разрушенный дом в личный символ утраты: он не абстрактный объект, а «живое» место, с которым читатель эмоционально сопрягается. Автор пишет: «Таких домов полно и в Подмосковье, / послевоенных. Здешним невдомёк, / как страшен он — пустой, с пробитой кровлей, / стоявший в Углегорске „Уголёк“» [12, с. 394].

У В. Русанова война репрезентуется через индустриальные и региональные символы, создавая ощущение Донбасса как территории конфликта и труда. Региональные маркеры — степи, шахты, заводы — становятся метонимами войны и одновременно локальной идентичности «Теперь наши степи — пашни, / нарыты в них шахты-норы, / натыканы телебашни, / куда ни поедешь — город» [12, с. 334].

Пространство региона трансформируется: привычные степи становятся индустриальными объектами, шахты и заводы — символами работы и добычи угля, а «пашни» и «шахты-норы» создают ощущение, что война внедрена в физический и социальный ландшафт. Образ войны конкретизируется через индустриальный труд: «Теперь мы не головы рубим, а рубим горючий камень» [12, с. 334]. Здесь лексика «рубим горючий камень» соединяет военные и трудовые действия, создавая метафору войны как

тяжелой промышленной работы, одновременно отражая региональный колорит и локальные реалии Донбасса.

Война у Русанова также связана с биологической и физической метафорикой: «*Но волны степным пожаром / в начале нового века / пылают заревом ржавым, / и льются из крови реки*» [12, с. 334].

Поэт дополняет лексический ряд сборника: если у Старушко и Ревякиной локальные маркеры — дома, улицы, терриконы, то у Русанова региональная война раскрывается через индустриальный ландшафт, трудовые действия и культурные реалии степного Донбасса. Это показывает, как концепт «Война» у поэтов Донбасса строится через конкретные региональные слова и образы, превращая локальный опыт в художественно осязаемый.

Таким образом, современная поэзия Донбасса демонстрирует, что концепт «Война» формируется не только через универсальные военные лексемы, но и через конкретные региональные слова, бытовые и индустриальные образы. Через шахты, терриконы, уголь, и повседневные действия поэты создают эмоционально насыщенный, локализованный и одновременно универсальный художественный образ войны, в котором сливаются физическое разрушение, психологическая травма и культурная идентичность региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венедиктова, Л. Н. Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Венедиктова Л. Н. Концепт ВОЙНА в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков). Тюмень, 2004. — Режим доступа: URL: <https://www.dissercat.com/content/kontsept-voina-v-yazykovoi-kartine-mira-sopostavitelnoe-issledovanie-na-materiale-angliiskog> (дата обращения: 30.10.2025).
2. Воркачев, С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография / С. Г. Воркачев. Волгоград: Парадигма, 2008. — 199 с.
3. Карасик, В.И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — М.: Гнозис, 2009. — 408 с.
4. Карапулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю. Н. Карапулов. — 2002. — 1776 с.
5. Кошкина, Е.Г. Понятие и сущность концепта как многомерного смыслового образования в коллективном сознании. [Электронный ресурс] / Е.Г. Кошкина. — URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/64596973>
6. Малышева, М. С. Репрезентация концепта “Война” в творчестве белгородского поэта И. А. Чернухина / М. С. Малышева // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сб. ст. III междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 14-15 мая 2020 г. / М-во науки и высш. образования РФ, НИУ БелГУ; отв. ред. Т.Ф. Новикова. — Белгород, 2020. — С. 172–175.
7. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. — М.: Академия, 2001. — 204 с
8. Новейший большой толковый словарь / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт; — М.: РИПОЛ классик, 2008 — 1536 с.
9. Панченков, С. А. Литеры «Z» и «V» как символы специальной военной операции на территории Украины. Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. / С. А. Панченков — 2022. №1 (39). — С. 85-90.
10. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований // Вестник КемГУ. Сер. Филология. — 2002. — Вып. 4 (12). — С. 100–105.
11. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. — 314 с.
12. ПоэЗия русского лета. — Москва: Эксмо, 2023. — 408 с.: ил. — (Поэзия подарочная).
13. Черкашин, К. В. «Русская весна» в Донбассе: предпосылки, ход и последствия. Постсоветский материк. / К. В. Черкашин. — 2021. №4 (32). — С. 4.
14. Чумак-Жунь, И.И. Поэтический концепт и его статус в типологии концепта / И. И. Чумак-Жунь // Научный ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. — № 14 (69). — Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2009 — С. 11–20.

Поступила в редакцию 25.07.2025 г.

«WAR» IN THE LINGUO-POETIC CONTEXT

The article examines the concept of “War” in contemporary Donbas poetry as a complex, multilayered and polysemantic phenomenon embedded in the cultural and linguistic worldview of the region. The study analyzes the linguopoetic specificity of war representation in works by modern authors, where the conflict is conceptualized through a system of regional details, diminutives, industrial lexemes, bodily metaphors, as well as the topoi of the mine, the spoil tip and everyday urban space. It is shown that the key mechanism is the rethinking of war not as an abstract historical narrative, but as a quotidian, corporeal and personally experienced substance. The article reveals the connection between local imagery and the formation of collective memory, traumatic experience and regional identity. It is concluded that “war” in Donbas poetry functions not merely as a thematic focus, but as a concept-forming element which determines the specificity of language, imagery and the poetic worldview.

Keywords: concept, regionalism, image of war, war, Donbass poetry, linguistic personality, cultural identity.

Марченко Анастасия Станиславовна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Аспирант.
E-mail: nastena_marchenko_99@mail.ru

Курмакаева Нина Петровна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Marchenko Anastasiya Stanislavovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Graduate student.
E-mail: nastena_marchenko_99@mail.ru

Kurmakayeva Nina Petrovna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru

УДК 81`42
DOI: 10.5281/zenodo.18038684

Л. В. Метелищенко© 2025

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук М. Н. Панчехина)*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «МЕДИЦИНА» В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

В статье рассматривается функционирование лексико-семантического поля «Медицина» в рассказах А. П. Чехова. На материале тридцати произведений, объединенных медицинской тематикой, анализируется состав и структура поля, включающего анатомическую, клиническую и фармацевтическую лексику. Особое внимание уделяется распределению общепотребительных, специальных и узкоспециальных терминов, их роли в создании профессионального колорита и речевых характеристик персонажей. Показано, что медицинские термины у А. П. Чехова могут выполнять не только номинативную, но и художественно-изобразительную функцию, участвуя в метафорических, метонимических переносных употреблениях, что придает повествованию выразительность и способствует раскрытию авторского замысла.

Ключевые слова: А. П. Чехов, медицинская лексика, лексико-семантическое поле, художественная функция, ядро, периферия.

Проблема функционирования медицинской лексики в художественной литературе поднимается уже на протяжении длительного времени. В данной статье анализируется лексико-семантическое поле (ЛСП) «Медицина», презентованное в тридцати рассказах А. П. Чехова, объединенных общей «медицинской» тематикой. К ним

относятся произведения о врачах и их профессиональной деятельности («Палата № 6», «Необыкновенный», «Случай из практики», «Враги», «Попрыгунья» и др.), рассказы, где главными персонажами являются больные или умирающие люди («Тиф», «Три года», «Цветы запоздалые», «Мужики», «Горе» и др.), произведения, затрагивающие вопросы душевного здоровья («Припадок», «Черный монах», «Палата № 6»), а также юмористические тексты («Сельские эскулапы», «Хирургия», «Симулянты», «Аптекарша», «У постели больного» и др.).

Стилю А. П. Чехова посвящено множество научных исследований, среди которых работы И. М. Гейзера, Н. Дмитриевой, Л. Е. Кройчика, Е. А. Покровской, Г. Ф. Татарниковой и других авторов. Однако в этих трудах не рассматривается тема, выбранная в нашем исследовании [3].

Цель исследования состоит в том, чтобы разработать интерпретационную модель описания структуры лексико-семантического поля «Медицина» в чеховских рассказах. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить семантическое наполнение термина «лексико-семантическое поле»; рассмотреть его ядерные и периферийные элементы; определить единицы и отношение между ними внутри лексико-семантического поля «Медицина» при лингвистическом анализе рассказов А. П. Чехова.

Одной из ключевых особенностей речи врачей у Чехова является употребление медицинской терминологии, которая подчеркивает их профессиональную принадлежность. Например, в рассказе «Палата № 6» доктор Рагин использует термины, характерные для медицинской практики: «ипохондрия», «мания преследования», «дегенерация». Эти термины не только отражают его профессиональные знания, но и подчеркивают его отстраненность от пациентов, холодный рационализм.

В рассказе «Ионыч» доктор Старцев также использует профессиональную лексику, но уже в более бытовом контексте. Например, он говорит: «У вас анемия, нужно больше бывать на воздухе». Здесь медицинский термин «анемия» используется не только для диагностики, но и как способ установления контакта с пациентом. Однако со временем его речь становится более сухой и формальной, что отражает его духовную деградацию.

А. П. Чехов также обращает внимание на использование врачами профессионального сленга и просторечия, что делает их речь более живой и реалистичной. Например, в рассказе «Хирургия» фельдшер Курятин использует просторечные выражения: «Ну-ка, открой рот пошире», «Сейчас выдернем». Эти фразы показывают его практический подход к работе, но также подчеркивают недостаток образования и такта. Таким образом, просторечие в речи Курятина становится маркером его профессиональной ограниченности, несостоятельности, отсутствия эмпатии, а также неспособности установить коммуникативный контакт.

Интонация врачей у А. П. Чехова также играет важную роль в формировании лексико-сематического поля «Медицина». Например, в рассказе «Случай из практики» доктор Королев говорит с пациенткой мягко и участливо: «Не волнуйтесь, все будет хорошо». Эта интонация подчеркивает его человечность и способность к эмпатии. В то же время в рассказе «Палата № 6» речь Рагина часто звучит монотонно и отстраненно, что отражает его внутреннюю опустошенность и равнодушие к окружающим.

Таким образом, лексические особенности речи врачей в рассказах А. П. Чехова являются важным средством характеристики персонажей. Использование медицинской терминологии, профессионального сленга и интонационных особенностей позволяет автору передать не только профессиональную принадлежность героев, но и их внутренний мир, отношение к жизни и пациентам. Действительно, можно утверждать, что чеховские врачи — это не просто носители медицинских знаний, но и сложные психологические типы. Далее нами предложено описание термина «лексико-

семантическое поле» и рассмотрена структура формирования поля с учетом ядерной и периферийной семантики.

Термин «лексико-семантическое поле» (ЛСП) получил широкое распространение после публикации работ И. Триера и Г. Ипсена. В настоящее время это понятие активно используется в трудах лингвистов разных стран и научных направлений. В общем смысле лексико-семантическое поле представляет собой совокупность слов, находящихся во взаимной зависимости, взаимодействующих и противопоставляемых друг другу. По определению Ю. Н. Карапуза, ЛСП — это группа слов одного языка, тесно связанных по смыслу. В данном случае понятие толкуется достаточно широко: лексико-семантическое поле рассматривается как иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим инвариантным значением и отражающих определенную понятийную сферу языка [3].

В состав лексико-семантического поля входят слова различных частей речи, а также фразеологизмы, в том числе выходящие за рамки литературной нормы. Среди основных характеристик ЛСП особое значение имеет системность, проявляющаяся в наличии гипонимических и гиперонимических связей [9].

Лексические единицы входят в определенное семантическое поле на основании наличия общей для них архисемы, например: «время» — для всех слов, обозначающих временные понятия, «родственник / родственница» — для наименований родственных связей, «цвет» — для обозначений оттенков и т. д.

Лексико-семантическое поле отличается однородностью понятийного содержания входящих в него единиц. Поэтому его основными структурными элементами являются не отдельные слова, соотносимые с разными понятиями, а лексико-семантические варианты. Многозначные слова, как правило, входят в различные семантические поля своими отдельными значениями [3].

Как видим, лексико-семантическое поле — это совокупность лексических единиц (слов), объединенных общими семантическими признаками и образующих внутри языка определенную систему. Эти слова связаны между собой по смыслу и образуют «поле», в рамках которого реализуются различные отношения, такие как синонимия, антонимия, гипонимия и гиперонимия. К основным (базовым) характеристикам лексико-семантического поля относятся следующие.

1. Общая семантическая характеристика: слова в поле связаны единой темой или концептом.
2. Структурированность: внутри поля существуют иерархические и иные связи.
3. Дифференциация: слова различаются по степени конкретности или по оттенкам значения.
4. Область применения: каждое поле охватывает определенную сферу жизни или деятельности.

Наиболее элементарной структурной единицей семантического поля является лексико-семантическая группа (ЛСГ) — относительно замкнутый ряд лексических единиц одной части речи, объединенных общей архисемой более конкретного содержания и более низкого уровня по сравнению с архисемой всего поля. Основной тип связи внутри ЛСГ — парадигматический. К разновидностям таких объединений относятся тематические группы (ТГ), включающие слова разных частей речи, связанных общностью темы [11]. Таким образом, лексико-семантическое поле представляет собой более широкое образование, чем лексико-семантическая и тематическая группы.

Анализ лексико-семантического поля предполагает изучение его внутренней структуры. Многие исследователи обращаются к вопросу ее описания. Так, Ю. Н. Карапуз выделяет следующую структуру лексико-семантического поля [3]:

название (имя поля);

ядро (ключевые слова);
синонимы;
антонимы;
дериваты;
типовные сочетания;
периферия.

В рассказах А. П. Чехова насчитывается 283 единицы ЛСП «медицина». Наибольшую часть из них составляют общеупотребительные (262 лексические единицы), такие как *рак*, *инвалид*, *кровотечение*, *рецепт*, *коронка*, *органическая ткань* и др. Специальных терминов выявлено 16 (например: *конституция*, *сигнатура*, *евстахиевы трубы*, *апоплексический удар*), а узкоспециальных — всего 5 (*аневризма*, *тракция*, *гиперестезия*, *неврит*, *везикулярное дыхание*).

Ядерную часть ЛСП «медицина» у А. П. Чехова составляет лексика, используемая в рабочих разговорах и спорах врачей, а также при постановке диагноза и установлении причин смерти: «Благодаря антисептике, делают операции, какие великий Пирогов считал невозможными даже *in spe*» (Палата № 6 [15]); «Я сходил с ума, у меня была мания величия (Черный монах); «Боюсь, что это аневризма...» (Враги [15]); «...труп с диагностикой «злокачественная анемия» (Попрыгунья [15]); «Под вечер Андрей Ефимович умер от апоплексического удара» (Палата № 6 [15]).

Единицы поля встречаются при описании деловой обстановки, например, в сценах оперирования больных. В таких случаях термины выполняют исключительно номинативную функцию, не имея дополнительной смысловой или эмоциональной нагрузки: «...уважаемый товарищ Терхарьянц с таким усердием катетеризировал у солдата Иванова евстахиевы трубы...» (Интриги [15]).

Подобные единицы ЛСП «медицина» позволяют А. П. Чехову передать в своих рассказах достоверную атмосферу профессиональной среды, используя медицинскую лексику: «За желтой, лоснящейся конторкой, уставленной вазочками с сигнатурами...» (В аптеке [14]).

Другой важнейший пласт ЛСП «медицина» дает А. П. Чехову возможность передать более выразительную речевую характеристику персонажа и вызвать у читателя яркое представление о нем. Избегая прямых авторских оценок, писатель раскрывает характер, настроение и образ мыслей героя через его собственную речь. Кроме того, в ней отражается эмоциональная реакция персонажа на поступки и образ жизни других людей.

В повести «Дуэль» особенно выделяется зоолог Фон Корен — сторонник идеи естественного отбора среди людей, часто использующий в своей речи медицинскую лексику. Его отношение к другому герою, Лаевскому, выражено резко и с оттенком презрения: «...как только вы заговорили о самках и самцах, о том, например, что у пауков самка после оплодотворения... съедает самца, — глаза у него загораются любопытством, лицо проясняется и человек оживает, одним словом... Вредоносность его заключается прежде всего в том, что он имеет успех у женщин и таким образом угрожает иметь потомство, то есть подарить миру дюжину Лаевских, таких же хилых и извращенных, как он сам. Во-вторых, он заразителен в высшей степени. Я уже говорил вам о винте и пиве... Судите же, какое у него широкое поле для заразы!» (Дуэль [15]). Сравнение Лаевского с микробом или вирусом создает иронический эффект, позволяя Чехову подчеркнуть ограниченность и фанатизм Фон Корена. Аналогично его отношение к любви звучит резко и рационалистично: «...любовь к человеку должна находиться не в сердце, не под ложечкой и не в пояснице, а вот здесь!» — Фон Корен хлопнул себя по лбу (Дуэль, [15]). Эти сценарии использования А.П. Чеховым общеупотребительных медицинских терминов

в авторской речи для создания психологического портрета героя составляют **приядерную** часть ЛСП «медицина».

Использование единиц ЛСП «Медицина» вне специальной сферы нередко приводит к изменению их функционального назначения и составляет **периферию** поля. В произведениях А.П. Чехова такие термины часто приобретают переносное, образное значение. Одним из способов их преобразования становится употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов. В подобной модифицированной форме медицинские термины встречаются в речи персонажей-врачей, например: «*Вы заметьте: когда при нем поднимаешь какой-нибудь общий вопрос, например, о клеточке или инстинкте, он сидит в стороне, молчит и не слушает...*» (Дуэль [15]). Единицы поля у Чехова нередко входят в состав метафорических выражений. Например: «*Впрочем, если хочешь уснуть, то, пожалуй, читай: прекрасное снотворное средство*» (Черный монах, [15]). В этом случае, помимо скрытого сравнения, наблюдается эллипсис — пропуск слова *чтение*.

В рассказах А. П. Чехова нередко встречается олицетворение болезненных состояний и физиологических процессов. Так, например: «*Руки и ноги его как-то не укладывались на диване, хотя весь диван был к его услугам, во рту было сухо и липко, в голове стоял тяжелый туман; мысли его, казалось, бродили не только в голове, но и вне черепа...*» (Тиф); «...и он чувствовал, что вместе с ним вышли из вагона его жар, жажды и те грозящие образы...» (Тиф); «*Во рту у него горело, в ногах и руках стояли тянувшие боли, в отяжелевшей голове бродили туманные образы...*» (В аптеке [15]).

У А. П. Чехова единицы ЛСП «медицина» нередко используются и в качестве средства метонимии. По наблюдению Н. Д. Арутюновой, метафора выполняет предикативную функцию, тогда как метонимия — идентифицирующую [2, 155–156]. С лингвистической точки зрения метонимия интересна как особый тип сравнения и своеобразная форма сочетаемости языковых единиц. Например, необычным является сочетание глагола с неодушевленным существительным: «*Аптекой пахнет... — говорит тонкий. — Аптека и есть!... Тут еще аптекарь с кислым лицом и с ослиной челюстью. — М-да... — говорит толстый басом. — Спит фармация! И аптекарша спит. Тут, Обтесов, аптекарша хорошенъкая*» (Аптекарша, [15]). В этом случае слово *фармация* метонимически обозначает аптекаря.

Другой пример — перенос наименования с одного предмета на другой, связанный с ним по смысловой ассоциации: «*Умному, образованному, гордому, свободолюбивому человеку, подобию божию, нет другого выхода, как идти лекарем в грязный, глупый городишко, и всю жизнь — банки, пиявки, горчичники!*» (Палата № 6 [15]). Здесь *банки, пиявки и горчичники* служат метонимическим обозначением врачебной деятельности.

В целом наша рубрикация ЛСП предполагает разграничение анатомической, клинической и фармацевтической лексики.

Анатомическая лексика включает названия органов и структур человеческого тела (*скелет, легкое, евстахиевые трубы*) (в том числе термины на латинском языке и широкоупотребительные термины), а также названия плоскостей и осей (*тракция по вертикальной оси*).

К фармацевтической лексике были отнесены названия лекарственных препаратов (в том числе названия на латинском и названия с использованием эпонимов: *капли Пьерро*), названия лекарственных растений и их частей (в том числе термины на латинском: *Генциана, Пимпинелла, semen*), названия лекарственных форм (в том числе названия на латинском: *тinctура, oleum*), названия предметов и инструментов, использующихся при приготовлении лекарств (*мраморная ступка*), наименования химической посуды и посуды для хранения лекарств (*банка, бутыль*), лексика,

специфически характерная для фармацевтической деятельности (*рецепт, провизор, сигнатура*).

В ряду клинической лексики нами отнесены названия заболеваний (в том числе и широкоупотребительные, просторечные, устаревшие термины, термины на латинском языке: *тиф, умопомешательство, гиперестезия правого слухового нерва, Maniagrandiosa*), названия разного рода медицинских манипуляций (*ампутация, тракция, катетеризовать*), симптомы болезней (*тяжесть в голове, жар*), названия инструментов и приборов, использующихся при лечении (*зонд, скальпель*), термины, связанные с процессом осмотра и клинического лечения больных (*гомеопатия, аллопатия*).

Таким образом, в результате анализа мы установили содержание ядерной и периферийной зон ЛСП «медицина». Очевидно, в произведениях А.П. Чехова присутствуют единицы поля из разных лексических групп (общепринятые, узкоспециальные; анатомические, клинические, фармацевтические). Использование единиц ЛСП «Медицина» у А.П. Чехова связано как с индивидуальной манерой повествования, так и с идеальным содержанием его произведений. Медицинская лексика помогает создать научный колорит, служит средством речевой и портретной характеристики персонажей, а ее образное употребление придает повествованию выразительность и своеобразие.

Проведенное исследование ЛСП «Медицина» в произведениях А.П. Чехова позволило раскрыть многогранность и глубину образов медицинских персонажей, созданных писателем. А.П. Чехов, будучи не только мастером слова, но и практикующим врачом, с исключительной точностью и проницательностью изображает профессиональную и личностную стороны своих героев. Его произведения становятся не только художественными шедеврами, но и важным источником для понимания роли врача в обществе, его этических и социальных обязанностей, а также внутренних конфликтов, с которыми он сталкивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Г.Н., Кожухова Н.Е., Шарапа А.А. Особенности лингвистического и логико-понятийного аспектов изучения медицинских терминов / Г. Н. Аксенова, Н. Е. Кожухова, А. А. Шарапа. — (<http://www.bsmu.by/bmm/04.2004/42htm/>).
2. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора: (Синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. — М., 1979. — С. 150–156.
3. Гейзер И.М. Чехов и медицина / И. М. Гейзер — М., 1960. — 150 с.
4. Дмитриева Н. «Черный монах» А. П. Чехова / Н. Дмитриева // Русский Гуманитарный Интернет — ([www.i-u.ru\(4\)](http://www.i-u.ru(4))).
5. Кройчик Л.Е. Человек с молоточком. Вступительная статья / А. П. Чехов // Рассказы и повести. — М., 1982. — С. 5–23.
6. Морозова Л.А. Особенности функционирования специальной лексики в неспециальной литературе (на материале медицинской терминологии) / Л. А. Морозова // Современные проблемы русской терминологии. — М., 1986. — С. 107–122.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2004.
8. Панаева Е.В. Функции специальной лексики в художественном тексте. На материале произведений М. А. Булгакова. Кандидатская диссертация / Е. В. Панаева. — М., 2005. — 140 с.
9. Покровская Е.А. Экспрессивность эллиптических конструкций с прямой речью в прозе А. П. Чехова / Е. А. Покровская // Языковое мастерство А. П. Чехова. — Ростов н/Д., 1990 — С. 89–95.
10. Русский язык: Энциклопедия / Под. ред. Ю. Н. Кацурова. — М., 1997.
11. Татарникова Г.Ф. Слова чужого словаря как выразительно-изобразительное средство в произведениях А. П. Чехова / Г. Ф. Татарникова // Языковое мастерство А. П. Чехова. — Ростов н/Д., 1990 — С. 103–107.
12. Шкарин В.В., Григорьева Ю.В., Горохова Н.М. О культуре использования научной медицинской лексики (терминологии) / В. В. Шкарин, Ю. В. Григорьева, Н. М. Горохова. — (<http://medicum.nnov.ru/>

- nmj/2004/1/31.php).
13. Энциклопедический словарь медицинских терминов В 3-х т. — М., 1982–1984.
 14. Чехов А.П. Рассказы и повести. — М.: Изд. ВГУ, 1982. — 480 с.
 15. Чехов А.П. Полное собрание сочинений. — М.: Наука, Т. 3, 1983. — 619 с.

Поступила в редакцию 24.08.2025 г.

L. V. Metelishchenko

THE LEXICO-SEMANTIC FIELD OF "MEDICINE" IN THE STORIES OF A. P. CHEKHOV

The article examines the functioning of the lexico-semantic field "medicine" in the stories of A. P. Chekhov. Based on the material of thirty works united by medical topics, the composition and structure of the field, including anatomical, clinical and pharmaceutical vocabulary, is analyzed. Special attention is paid to the distribution of commonly used, special and highly specialized terms, their role in creating professional flavor and speech characteristics of characters. It is shown that Chekhov's medical terms can perform not only a nominative, but also an artistic and pictorial function, participating in metaphorical, metonymic figurative uses, which gives the narrative expressiveness and contributes to the disclosure of the author's intention.

Key words: A. P. Chekhov, medical vocabulary, lexico-semantic field, artistic function, core, periphery.

Метелищенко Лилия Валерьевна.

Донецкий государственный университет,

г. Donetsk State University, Donetsk, RF.

Донецк, РФ.

Undegraduat student.

Магистрант.

E-mail: lilia_metelischenko@mail.ru

E-mail: lilia_metelischenko@mail.ru

Panchekhina Maria Nikolaevna.

Кандидат филологических наук.

Panchekhina Maria Nikolaevna.

Candidate of Philology.

Донецкий государственный университет,

Donetsk State University, Donetsk, RF.

г. Донецк, РФ.

Associate Professor of the Department of Russian

Доцент кафедры русского языка.

Language.

E-mail: mpanchehina@gmail.com

E-mail: mpanchehina@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.8. Педагогика:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Методика преподавания русского языка;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректура статей авторам не высылается. Статья присыпается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции: donrus452@yandex.ru.

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент (Student), магистрант (Undergraduate student), аспирант (Graduate student)), место работы, прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452), на обработку моих персональных данных.

3. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 6 до 12 страниц;

- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: вверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: ***М. Н. Иванова***;
- третья строка — официальное полное название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*));
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объемом от 80 до 100 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. ***Ключевые слова (5–7 слов, курсивом)***;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..., ...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:
Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пуща и войны кипит всегдашний жар,
 На Марсовых полях он грозный был воитель.
 Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
 И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по

ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
3. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю) **на английском языке**;

- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке**;
- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);
- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие *сведения об авторах и научных руководителях* (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный).
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Г л а д к а я Н . В . Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизованных текстов в интернеткоммуникации

G l a d k a y a N . V . The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений.

Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталья Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

M. A. Капинская © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. — № 5. — С. 74–85.
2.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

M. A. Kapinosa

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepistemic units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of

formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential.*

Капиносова Мария Александровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Kapinosova Maria Alexandrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2025. — № 1 (27)

На русском языке

Технические редакторы: В. А. Рязанова, А. С. Бурляй